

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нина Мелентьева

Я вернулся, папа

-том 1-

Нина Константиновна Мелентьева

Я вернулся, папа. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55558312

SelfPub; 2020

Аннотация

Говорят Судьбу не изменить, и что бы ты ни делал, все равно ты будешь идти по выложенному ею пути. Однако когда Судьба забрасывает тебя в такое место, что никак не может ограничить с реальностью, ломает твои тело и душу, и тащит в неизвестное будущее, ты волей-неволей захочешь вернуться. Вернуться к родным и близким. К своей привычной жизни. Просто вернуться домой. И если ради этого придется пойти на уступки с Судьбой и выполнить ее требования, ты сделаешь все возможное и невозможное, заключишь сделку с самой смертью, утонешь в крови и жестокости, но прорвешься. Что-то потеряешь, но и приобретенное будет равноценно утраченному. Однако сможешь ли ты пройдя все испытания наконец насладиться возвращением? Особенно если тебе всего четырнадцать, и ты из избалованного ребенка стал сторожевым псом. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	127
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Глава 1

Вот бывает же так, что хочется накричать на всех, оскорбить злыми словами, а потом самому убежать подальше и разреваться. И из-за чего? Из-за дурного слова? Отобранной игрушки? Или непонимания родителей? Будь я немного постарше и поумней, то наверно никогда бы не дернулся и не хлопнул дверью. Не бросился бы наутек. И никогда бы не попал в самое затруднительное положение, которое мог только придумать для себя. Выслушал бы маму с папой, попробовал бы понять или предложить хоть какую-то помощь.

Я бежал на берег обрыва, благо он находился всего в десяти минутах ходьбы от дома, глотая слезы, и был зол на всех. А за спиной, словно преследуя, висел подслушанный разговор родителей.

Они беседовали на кухне, за закрытыми дверями, и то, что меня не пускали, лишь подстегнуло мое любопытство. Знай бы я о чем они говорят, то никогда бы так не поступил. Не стал бы подкрадываться к двери, прислушиваться, и чисто интуитивно угадывать негромкую речь. И слово «развод» не резануло бы так больно душу.

Вспоминая того себя, я поражаюсь каким наивным и слабым был тогда. Борясь с комом в горле, я тихо скользнул к себе в комнату. Искусав губы разве что не до крови, думал что кого-то из них больше никогда не увижу. Отца ли, веч-

но занятого и почти не знакомого, но все же бывшего идеалом совершенного мужчины и заботливого внимательного отца. Или маму, любящую и потакающую всем прихотям избалованного ребенка, но все же прислушивающуюся к моему мнению. И решил проветриться.

В лучах заходящего солнца, берег залива был похож на край света, у которого внизу расстилалась не бурная пенящая масса, разбивающаяся о скалы, а розовое пушистое небо. И было оно таким далеким и бесконечным, что глаза не могли найти ни одного места что б зацепиться взглядом.

Ну почему здесь, на самом краю мира, вдали от города и вечных друзей, мы не можем быть обычной полноценной семьей? Почему мама так яростно требовала развода, а папа соглашался и выдвигал свои условия? И почему у меня возникло такое чувство, что это условие – это не я? Словно они и не решали, с кем из них я должен остаться. Что с ними случилось? Ведь еще пару дней назад мы за ужином обсуждали зимние каникулы в деревне у бабушки. А на следующее лето, когда я закончу девятый класс, поехать в Египет или Турцию, поваляться на пляже, позагорать у моря.

Я стоял на самом берегу обрыва и был готов закричать от отчаяния. Руки, мертвой хваткой вцепившиеся в тонкое железное ограждение, побелели от напряжения и безысходности положения. А самым страшным было то, что от меня уже ничего не зависело. Даже если я буду упрашивать и устраивать истерики, то это уже не поможет. Они разведутся и бу-

дуг делить дни, когда и с кем я буду жить, с кем отдыхать. Но они уже не будут вместе.

Синее свечение в бушевавшей внизу воде, отвлекло от нерадостных мыслей. Отвлекло так резко, что я и не сомневался в том, что мозг сам не захотел больше думать о плохом.

Завороженный, я сильнее впился пальцами в ограждения, и перевалился всем телом через край обрыва. Высота здесь была не такой уж и большой. Метров двадцать, не больше. И когда вода в заливе была спокойной, это почти не чувствовалось. Однако сейчас, когда по морю гулял шторм, и вода пенилась, мне показалось что земля уходит из под ног, и бездна открывается передо мной. Бурлящая клокочущая бездна с синим маяком, заманивающая своим светом прямо на скалы.

Было похоже, что свет исходил из какой-то подводной пещеры, и я тут же прокрутил в голове все байки, которые слышал об этих местах. Никто из местных жителей ни разу не рассказывали ни о каком свете. Да, все они жаловались на слишком непредсказуемое течение в этих местах, способное снести рыбацкие сети на несколько миль в сторону, несмотря на грузила. Рассказывали, что раньше об эти скалы разбилось ни одно судно, затянутое течением на камни. Уж не этот ли свет приманивал сюда неудачливых мореплавателей?

Еще странным показалось то, что в течении пяти лет, что мы приезжали сюда, я ни разу не видел этого феномена. Знал каждый метр скалы, в прошлом году по-тихому облазив ее

всю от самой воды до верха. И никакой пещеры, или даже намек на нее, не заметил.

Щурясь в свете заходящего солнца, уже почти скрывшегося за горизонтом, от чего свечение стало ярче, я упорно пытался запомнить расположение пещеры, из которой исходил свет, когда в кармане джинсов буквально таки заорал телефон. Не просто заиграл, а именно заорал, громко и резко. И этот крик, резкий и пронзительный, был столь неожидан, что я чуть не выпустил поручни из рук и не сорвался вниз.

Звонил отец. Я помнил что совсем недавно ставил на него мелодию из нового фильма, и то, что сейчас сбились все настройки, меня почему-то расстроило.

—Да, папа,— я нервно поднес трубку к уху, желая прекратить эти вопли. И тут только вспомнил события, приведшие меня сюда. Горло тут же сковало, голос охрип, и я дрогнул. Закусил губы, зная что отец не потерпит слабости с моей стороны, и если я разревусь — то он мне этого никогда не забудет.

—Джейкоб, куда ты пропал? Мы с мамой убили тебя искать,— тяжелый баритон, который заставлял оглядываться женщин на улице и кидать завистливые взгляды, показался мне сейчас недовольным и злым.

—Любуюсь закатом на море, пап.

На том конце прозвучал нервный смешок.

—Романтик... Ладно, будь там. Я сейчас подъеду.

—Зачем?— я не сразу сообразил что ляпнул, и от злости чуть не сбросил звонок.

—Поговорить,— отец задумался на несколько секунд, и я услышал его дыхание. —Или ты там не один? Если с подружкой, то я могу подождать.

—Нет,— я поспешно отверг его предположение. Моя подруга, Кати, сейчас отдыхала у своих родственников, в тысячах километрах от сюда. —Я один, папа.

—Тогда жди. Я скоро буду.

Н-да, надо было мне самому сказать, что скоро вернусь домой. Но как я мог вернуться туда, зная что именно мне скажут родители? Нет, вернуться все равно придется, но только после того, как я полностью успокоюсь.

Короткие резкие гудки в трубке больно резанули ухо, и я поспешно убрал телефон. Если отец хочет сообщить мне о том, что они с мамой разводятся, то я не уверен что смогу сдержаться. Либо разревусь как маленький, либо наорю на него, и все равно потом разревусь.

Солнце полностью село, и стало темно, а я все стоял и пытался настроиться на предстоящий разговор. Так что резкий свет дальних фар ослепил меня на мгновение, и остановившуюся в метре от меня машину я не сразу узнал. Зажмурил глаза и потер их руками, а когда наконец увидел что это черный автомобиль отца, то отступил на шаг.

Я думал что папа выйдет и сядет со мной на маленькую скамеечку на обрыве, но он так не сделал. Открыл соседнюю с водителем дверь, тем самым приглашая сесть в салон. Я поморщился. Понял что он не собирается ходить вокруг да

около, и то, что обычно меня выпроваживали назад, а сейчас приглашали на почетное место рядом с отцом, не сулило ничего хорошего. Знал так же, что тем самым он не будет спрашивать ни моего совета, ни мнения, а будет просто ставить перед фактом. Это была та территория, на которой он чувствовал себя полноправным хозяином, и я это знал. Как и то, что именно он мне сейчас скажет.

У папы была своя относительно небольшая фирма, и он держал в городе три ветеринарные клиники, порой сам заменял врача и даже оперировал. И я видел неоднократно, как он разговаривает с провинившимися служащими. Всегда только в своем кабинете, где он был и Царь, и Бог. Я однажды спросил его, почему именно там, и он разъяснил как глупому о смысле личной территории.

Вот и сейчас, приглашая на свою территорию, он был готов устанавливать свои правила. Я поймал себя на мысли, что был бы вообще не прочь отложить этот вопрос, увести его от больной для меня темы.

Я настраивался несколько секунд, прежде чем сесть в удобное кожаное сидение. В нос сразу ударил аромат папиного одеколона и слабый запах его сигарет. О, я любил смесь этих ароматов, представляя что именно так должно пахнуть от настоящего мужчины.

Работающий кондиционер тут же растрепал непослушные длинные волосы, которые мама неоднократно обещала сама мне обстричь во сне.

Он не стал долго мучить меня молчанием и сразу перешел к делу. Видел мою настороженность, и уже наверно знал что я все знаю. Хотя, от куда ему было знать то?

—Джейкоб... Я понимаю, что обещал провести с тобой и мамой все лето здесь, но мне надо вернуться в город. Если ты хочешь, то можешь поехать со мной.

Если честно, то я немного опешил от его слов. Неужели они передумали?

—На долго?

—Может на месяц. Не знаю пока. Ну так что, ты останешься с мамой, или поедешь со мной?

Так. Значит, вопрос с кем мне остаться они решили оставить мне. Неужели, никто из них не стал выявлять желания с кем мне остаться?

—А мы не можем поехать все вместе?— я упорно старался смотреть в окно, чувствуя на затылке тяжелый взгляд отца. Я был совершенно не готов к тому, что мне самому придется решать свою судьбу.

—Нет. Мама пока останется здесь.

Ага, все-таки расходятся! Но не хотят тревожить мои нервы. Все уже решили, но упорно делают вид, что главный вопрос придется решать мне. Да что им до моего мнения?

И тут, словно окатив меня с головой ледяной водой, перед глазами предстала картинка с синим свечением внизу, и я понял, что не смогу сейчас уйти от сюда. Не смогу бросить эту загадку неразгаданной. Где гарантия что если я сейчас

уюду, я вообще сюда когда-нибудь вернусь?

—Я не хочу сейчас уезжать от сюда, пап. Можно, я еще пару недель поживу здесь, а потом ты забереешь меня?

Отец поморщился, но все же согласно кивнул.

—Хорошо.

—Пап,— я набрал полную грудь воздуха, и смело посмотрел в глаза отца. Наверно, он был бы горд сейчас за мою решительность. —Можно один вопрос?

Он кивнул, и почему-то прищурился.

—Вы с мамой разводитесь?— я прикусил язык так, что бы боль отвлекла от страха.

От гневного взгляда отца я все же вздрогнул, но глаз не отвел.

—Пока нет,— он сам отвел глаза, и достав сигарету, нервно закурил. Я тут же закашлялся, и отец открыл окно. Не знаю, может он именно этого и добивался, что бы показать мне какой я еще мелкий и слабый. А может просто сам нервничал. —Мы решили что пока просто поживем раздельно. Но я хочу что бы ты знал, Джейкоб, что даже если мы с твоей мамой разойдемся, то это не значит что ты станешь кому-то из нас не нужен. Я все равно останусь твоим отцом, а мама — мамой. Я не собираюсь переезжать из города. И мы сможем спокойно видеться.

—Но почему?— я снова попытался поймать его взгляд, но он не дал мне этого сделать.

—Ты слишком мал, Джейкоб, что бы понять все это. Про-

сто у нас с мамой оказались немного разные ценности в жизни.

—Папа, я уже не ребенок!— я возмущенно свел брови.

—Ну хорошо. У меня появилась возможность открыть еще одну клинику в соседнем городе, а мама против.

—Почему?— я не понимал. Совсем ничего не понимал. Что плохого в том, что будет не три, а четыре клиники? Будет больше денег, бизнес расширится...

—Говорит, что тогда совсем не будет меня видеть.

Я отвернулся и встретился со своим взглядом в отражении окна. А ведь и правда. Папа и так почти не бывает дома, говоря что три клиники отнимают почти все время. С появлением четвертой, он вообще исчезнет. Как же он тогда собирается видеться со мной, если у него не будет на меня времени?

—Тогда зачем тебе еще одна клиника?

—Ты не понимаешь,— отец нервно выбросил сигарету в окно, и я чуть не бросился на него с упреком. Мы с мамой собирали здесь мусор на прошлой неделе, что бы навести порядок. А он... -Джейкоб, это же деньги, благосостояние, будущее.

Я молчал. У нас были деньги. Мы не отказывали себе практически не в чем. Захотели коттедж с видом на залив, пожалуйста. Ходили в рестораны. На благотворительные приемы. Все, о чем я не просил — все было. Вот к примеру, в этом году я захотел освоить такой вид отдыха, как дай-

винг. И отец купил и лодку, и три гидрокостюма со снаряжением. Арендовал небольшой сарай на берегу, самый крайний и самый ближний к нашему дому. Нырял со мной и каждая находка, историческая или хлам, была у нас достижением. Мы даже нашли несколько стеклянных бутылок, которым отец дал как минимум пару сотен лет.

—Да, папа, я не понимаю,— я резко открыл дверцу, и прежде чем отец успел что-то сказать, добавил. —Я позвоню когда засобираюсь в город.

И захлопнув дверь я отступил в кусты. Подождал пока отец уедет, и вернулся к обрыву. Перегнулся через перила и разочарованно сел на землю. Свет пропал. Интересно, когда именно он перестал светить? Не тогда ли, когда подъехал отец? Возможно он испугался, что его заметят. Но тогда почему он не погас от моего присутствия? Не от того ли, что словам ребенка поверит не каждый, а вот к словам взрослого кто-то может прислушаться?

Я тупо смотрел на черную воду, и уже не сдерживая себя, ревел как какой-то юнец. Зная целеустремленность отца, я сразу понял что тот не отступит от задуманного. Разве что его кто-то опередит, или затраты будут больше чем ожидаемая прибыль. Но на это я мало рассчитывал. Зная же маму, был более чем уверен, что она не отступит пока отец не забудет свою идею фикс.

Дома, когда я наконец вернулся, я не смог смотреть в глаза мамы, да она и не настаивала. Наверное, впервые в жиз-

ни, она отвернулась от меня ни слова не сказав, и ушла к себе. Мне показалось диким то, что она вообще не захотела со мной говорить. Я всегда считал что с кем — с кем, но с мамой можно поговорить всегда и обо всем, прийти за советом или поделиться переживаниями. А сейчас ей оказалось нечего мне сказать. И это было больно.

Утром, воспользовавшись тем, что мама еще не встала, я быстро обшарил холодильник и сделав себе пару бутербродов, тихо выскользнул из дома.

Роса обильно лежала на траве, и я упорно старался не сходить с тропы, пока шел к обрыву. Здесь правда была еще одна дорога, асфальтированная и огражденная, но она делала большой крюк, и мне совсем не хотелось попусту терять драгоценное время на комфорт.

Добравшись до места, я с удовольствием огляделся. Здесь росы уже не было. Она обсохла от порывов ветра с моря. У подножья совсем тихо шуршала вода, навевая покой и умиротворение. Просыпающиеся птицы начинали наполнять воздух тоненьким пением, и писком голодных птенцов. Захотелось сесть на берегу и подставив солнцу голову, наслаждаться спокойствием.

Я не стал задерживаться и, сойдя с поляны, легким бегом побежал по тропе, уходящей вниз с обрыва, к пляжу, находящемуся в полумиле от скал. Там начинались небольшие ангары, в которых рыбаки хранили лодки, и небольшие сарайчики, наподобие того, что арендовали мы. В тот момент,

когда я продумывал весь свой план, я даже не думал, хватит ли мне сил в одиночку вытащить лодку и протащить ее пятьдесят метров по песку. Обнадеживало то, что она находилась на подставке с колесами, но и даже с их помощью, нам с отцом приходилось тащить ее вдвоем. Сейчас же я был один.

Лодка, как и все снаряжение, были на месте, и я в первую очередь проверил баллоны с кислородом. Поморщился от того, что осталось всего два заправленных баллона, да и то всего двенадцатилитровых. Установил себе таймер на полтора часа погружения, и задумался. Если там на самом деле есть пещера с чем-то интересным, то мне придется возвращаться домой за деньгами, а потом плыть в порт заправлять баллоны на станции. Что ж, для начала нужно убедиться что там что-то есть.

Чуть не надорвавшись от тяжести, я все же вытащил лодку на воду. Руки буквально таки саднило от натуги, и я позволил себе немного отдохнуть, прежде чем браться за весла. Конечно, я мог бы воспользоваться мотором, но шум от него могли услышать наверху и донести маме. А она всегда была категорично против того, что бы я в одиночку выходил на большую воду.

Я еще раз пять проверил весь костюм и снаряжение, по списку сверился все ли на месте, и одернул себя.

–Все, хватит,– буркнул я, злой на свою нерешительность. Одел перчатки и навалил на весла.

Все таки здесь на самом деле было нехорошее течение.

Казалось что вот только что оно было в одну сторону, а теперь уже поменяло направление на сто восемьдесят градусов. Мне пришлось бросить якорь в пятидесяти метрах от места, где я вчера видел свет, что бы спокойно, не отвлекаясь на качку, облачиться в костюм. Если кто знает что представляет из себя костюм для погружения в холодную воду, тот поймет почему я пол часа возился со всеми этими баллонами, шлангами, маской, ластами и так далее и тому подобным. Кроме того что мне пришлось проверить все ли в порядке, так еще и вес самих баллонов был убийственен. Конечно в воде это не чувствуется, но сейчас, сидя в небольшой лодке, качающейся из стороны в сторону, я вдруг задумался. А стоит ли вообще лезть туда? А вдруг в баллонах окажется меньше кислорода? Или меня снесет течением? Или еще страшнее, запутаюсь в прибитых к скалам старых сетях?

Ругаясь сам над своей нерешительностью, я глянул на часы. Мама проснется часа через два. Еще час – два она меня искать не будет. Но там я уже намеревался вернуться, и если повезет, то она даже не заметит моего отсутствия утром.

Вода сомкнулась над головой как-то сразу, и я в очередной раз пожалел что со мной нет никого из родителей. Некому было проконтролировать погружение, да и оказаться одному в бескрайней массе воды – ощущение отнюдь не из приятных.

Стараясь отогнать плохие мысли, я медленно опускался на дно, стравливая страховочный трос. Он был на пятьсот

метров, и по моим подсчетам, его просто не могло не хватить. Даже если там окажется пещера, то будет глупо лезть в самую ее глубь с полупустыми баллонами. Я повешу на входе небольшой маяк, и потом, заправившись кислородом, вернусь. Конечно, не факт что это будет именно сегодня, но как я смогу не вернуться?

Тот солнечный свет, что пробивался через воду, практически не помогал мне в воде, так что пришлось включить фонарь на голове, и коснувшись дна, цепляясь за камни руками, двинуться к скале. Дно здесь было усыпано огромными гранитными валунами и мелким гравием, хоты всего в полу мили находился вполне приличный песчаный пляж. Да, если бы сюда вошло судно, большое и с низкой посадкой, то оно наверняка зацепило бы дном один из валунов. А течение бы тут же начало прибывать его к скале.

Кстати о течении. Как это не странно, но мне показалось что оно настойчиво пытается мне не дать возможности подплыть вплотную к скале. Мне потребовалось не десять минут как я рассчитывал, а почти двадцать, что бы преодолеть эти пять десятков метров. Но зато когда мне удалось пробить эту преграду, я оказался на небольшой площадке у подножия скалы, где вода не то что бы бурлила, что я ожидал. Она просто стояла!

Я сверился с часами и компасом. Так, почти на месте. Метров пять—семь правее, а там вверх по скале пока не найду пещеру. В принципе, глубина здесь была всего-то пятна-

дцать — двадцать метров.

Я обругал себя за трусость, цепляясь за гранит, какой-то странно отшлифованный и гладкий, и поплыл к интересующему меня месту. И когда вдруг оказался на довольно большой площадке без каких-либо намеков на камни и гравий, немного растерялся. У меня даже возникла такая мысль, что она похожа на гладкую ровную асфальтированную дорогу, которая уходила... А куда она собственно уходила? Сама поверхность скалы то же была гладкой и отшлифованной, и я не увидел и намека на пещеру или трещину. Медленно поднялся к самой поверхности воды, и, выглянув, лишний раз убедился что не ошибся с местоположением. Вот эти камни на утесе, и вот этот камень торчит из скалы прямо над местом вчерашнего свечения. Да я мог бы сейчас скинуть баллоны с ластами, и просто взобраться по скале до самого обрыва и через десять минут быть дома. Э-э, нет!

Снова опустившись на дно, я уже более тщательно стал рассматривать скалу, когда возле самого дна моя рука просто прошла через камень и не найдя опоры, словно утонула в каком-то желе.

Чуть не хлебнув воды, я шарахнулся от странного места, и осмотрел руку. Ничего с ней не случилось. Не было на ней ни каких остатков того желе, да собственно все было по старому.

Может я начинаю сходить с ума? Я проверил уровень кислорода в баллонах, что бы убедиться что не надышался угле-

кислым газом или хлором и не ловлю глюки, и недоверчиво снова протянул руку к скале. Она прошла до локтя, не ощутив преграды. Как и в прошлый раз она словно оказалась в желе, и я осмелев, засунул руку глубже. Пальцев коснулось прохладное течение, и я улыбнулся.

Ага, значит что-то вроде пробки. Или двери. И по ту сторону снова вода.

Прикинул, на сколько хватит кислорода. Еще час максимум, а минимум пол часа. Значит можно посмотреть что там, и потом по страховочному тросу вернуться обратно. Эх, папа, ну почему тебя сейчас нет рядом? Ты всегда говорил что я люблю преувеличивать и фантазировать, и вот это открытие – было бы нашим с тобой! Целое приключение!

Выгнав из головы мысли об отце, я затаил дыхание и вломился головой в скалу.

Пробив полуметровую пробку желе, сквозь которую свет фонаря проходил как через стекло, я рывком выскользнул в какой-то узкий туннель и...

Стремительное течение подхватило меня как соломинку и с силой потащило по пещере. За несколько первых секунд я припомнил все возможные ругательства, какие только слышал, и лихорадочно цепляясь за трос, пытался остановить механизм стравливания. Что-то больно полоснуло по правому плечу, и я разве что не закричал от боли, отпуская трос. Попытался хоть что-то разглядеть в мельтешащем по стенкам пещеры свете фонаря, и в тот же момент удар по голове

разбил его. Чуть не плача от боли и отчаяния, я закрыл лицо ладонями и прикрыл маску. Не дай то Боже она разобьется и тогда все пропало. В голове беспощадно шумело, и меня то и дело бросало то об одну стенку, то об другую. Чисто интуитивно сгруппировавшись, я сжался в клубок. И думать уже не думал, что если сорвет баллоны, то я тут же захлебнусь.

Снова меня бросило на стену и я чуть не взвыл. Разорванное об какую-то скалу плечо с такой силой шлифонулось о камни, что шум в голове немного стих. Это дало мне возможность на несколько секунд задуматься над тем положением, в которое я попал. И вспомнить о тросе.

Проклятье, трос рассчитан на пятьсот метров, и до сих пор разматывается, значит я не проплыл и пол километра по этому гроту. И стоило мне об этом подумать, как ремни на поясе дернуло. Все, закончились пятьсот метров.

Меня болтало так, словно вода хотела если не сорвать меня со страховки, то забить на смерть о стены. Вот она сорвала с меня один, а затем и второй ласт. Запарашутила прорванный на плече гидрокостюм, еще больше разрывая его. Удар о стену баллонами, заставил действовать. Левой рукой я отстегнул бегунок со страховки, перестегнул на пол метра вперед по тросу и попытался подтянуться. Минут пять убил на то, что бы сократить трос на метр, и понял, что с раненой правой рукой не смогу, не успею, добраться до входа в туннель. У меня раньше закончится кислород, или вообще сорвет баллоны, прежде чем я дотянусь. Оставалось два вы-

хода, ждать, когда кто-то там заметит мою лодку и вытянет обратно, или освободиться от троса. Вероятность того, что меня вообще кто-то будет искать еще пол часа, бросится тут же спасать не зная что со мной и где я, была столь мала, что я сразу сконцентрировался на втором варианте. Попробовал отвязать трос, и чуть не разорвав пальцы, тихо запаниковал. Неужели я умру здесь, в полной темноте, один, болтаясь как рыба на удочки? И тут же вспомнил про небольшой нож на ноге, который мог бы спасти от сетей, доведись мне запутаться в них.

Я раза четыре выпускал нож из руки, и ловил веревку, к которой он был привязан, прежде чем смог взять его в левую руку. При условии что течение и не пыталось мне помочь, а все более яростней било о стены, это было великим подвигом. Еще большим подвигом оказалось заставить себя перерезать ту единственную нить, которая еще связывала меня с домом.

Быстро накатывающая слабость заставила сжать зубы сильнее. Уровень кислорода в баллонах упал? Потерял много крови из раны? Или переохлаждение? Если так будет продолжаться, я просто здесь погибну. Надо действовать. Другого выбора просто нету.

Перерезав трос, я лишь успел закрыть руками лицо, и течение с новой силой стремительно потащило меня в темноту. Не было ни сил, ни желания сопротивляться ему. Все тело буквально требовало отдыха и пары десятков тюбиков мази

от ушибов и ссадин. Даже плечо уже не болело. Я просто не чувствовал руки от самой шеи и до кончиков пальцев, сам удивляясь как еще смог поднять ее и прикрывать лицо.

Свет заставил меня отнять руки от лица, и, мельком увидев, что идет он от выхода из туннеля, меня с силой выбросило в воздух. Чувствуя себя пробкой в бутылке с шампанским, сквозь мокрый пластик маски увидел висячее низко над горизонтом солнце, и внизу, окруженный скалами, огромный резервуар с водой.

А потом был удар.

Я ударился о воду с такой силой, что ремни с баллонами не выдержали и лопнули, и отлетая куда-то в сторону, сорвали с меня и маску и трубку.

Прежде чем потерять сознание от страшной боли во всей правой стороне тела, на которую пришелся удар, я успел хлебнуть изрядную порцию пресной воды. И лишь потом провалился в черную бездну, оглушенный, уставший и разбитый.

Глава 2

Пришел я в себя так резко, словно кто-то просто повернул рубильник, и тут же закашлялся. Легкие горели огнем от хрипящей воды, и я даже не сразу осознал что меня кто-то поддерживает под руки. И то, что я следом снова не отключился, я должен был быть благодарен лишь очередному приступу кашля.

Кроме того, что легкие были готовы выплюнуть себя через мое же горло, вся правая часть тела была буквально одной сплошной болью. Даже лицо беспощадно саднило, и я почувствовал на губах соленый вкус крови. Глаза же, словно отказываясь принимать все происходящее за реальность, отказывались видеть все, кроме непроглядной черноты вокруг. И я чувствовал, что дело было не в том, что вокруг могло быть темно. Они просто не видели!

Осознав наконец, что меня поддерживают чьи-то руки, борясь с душасим кашлем, прошептал:

—Помогите мне.

Этих двух слов хватило у меня на то, что бы последние силы покинули тело, и я безвольно повис на чьих-то бережных руках. Сознание я не потерял, но, словно прибитый, не мог собрать мысли воедино, все слышал, но ничего не понимал, и ни на что не реагировал. Рядом кто-то говорил, но я не мог понять ни слова. Сам язык вообще мне показался

незнакомым.

Чьи-то пальцы легли мне на подбородок, и повернули голову. Сначала в одну сторону, потом в другую. От этого я разве что не закричал. Боль в голове явно ждала именно этого, и набросилась с остервенением на и так уже измученное тело и разум. Я не отупел от нее только из-за того, что пальцы прошлись по коже на щеке, и я почувствовал что там глубокая рваная рана. Это заставило отвлечься и ужаснуться случившемуся.

Я упорно хлопал ресницами, надеясь на то, что зрение вернется, но увы. Но это дало шанс оценить свое состояние.

Когда все те же пальцы коснулись виска, я сообразил что там огромная шишка. Наверно ее я получил в том туннеле, когда разбился фонарик. Если бы не он, то я наверно ударился бы виском и сразу бы умер. Не добрался бы до выхода. Остался бы болтаться мертвым на веревке.

От невеселых мыслей меня отвлекло прикосновение к распоротому плечу. По крайней мере я искренне надеялся, что отделался только рваной раной. Я ошибся. Сначала в плече что-то скрежетнуло от чуть более сильных нажатий рук, а потом и в локте. Как минимум перелом в плече и вывих локтевого сустава, а как максимум – перелом и там и там. Я поморщился от того, что я их не чувствую – этих травм. Хотя нет, чувствую что рука болит, но по сравнению с болью в голове, это мелочь.

Голоса вокруг меня начали говорить громче, и я к своему

изумлению начал отличать их друг от друга. Два мужских и один женский. И судя по всему, именно женщина и осматривала меня. Даже не понимая их слов, я уловил нотку недовольства в голосах мужчин. Чему же им быть довольными? Свалился им на голову пацан, поломаный и разбитый, а им еще придется скорую вызывать, оказывать первую помощь. Ой, люди, да я вам и так уже благодарен за то, что не дали захлебнуться!

Женские пальцы, а я теперь был уверен что это именно женщина сидит возле меня, продолжали скользить по телу. Вот они стали ощупывать ребра, и я задохнулся от боли. Вот теперь я застонал, благодарный тому, что руки отстранились и я могу выровнять дыхание.

Когда руки коснулись моей правой ноги, мне показалось что мир содрогнулся. Тут уже, не в силах сдерживать себя, я закричал. Боль, от самой лодыжки и до бедра, сводила с ума. Я рвался из чужих рук, старался отстраниться от боли, отползти от нее, но кто-то не пускал. Прижимал за здоровую ногу и плечо к камням, впивался пальцами в больную ногу и рвал меня на части.

—Нет,— закричал я уже порядком охрипнув, но это уже не имело значения. —Лучше убейте меня.

Вот бывает же, что если не везет, то во всем. Стоило мне потерять сознание от боли, как оно подло вернулось от прикосновения чего-то липкого и мерзкого к лицу. И самым страшным было то, что эта мерзость была еще и живой!

—Нет!— кричал я, пытаюсь вырвать левую руку из жесткой хватки, и поняв что это невозможно, отвернуть голову, не дать ему залезть на меня. Существо же, словно не замечая моего к нему отвращения, упорно лезло на глаза, ощутимо приклеиваясь к коже.

Это было ужасно! Первая моя мысль была о монстрах, пожирающих глаза. Было дело, смотрел как-то ужастик по телевизору, так после этого еще неделю соскакивал по ночам с воплями и не давал маме полностью отключать свет на ночь. И вот теперь, понимая, что и так ничего не вижу, но возможно это со временем пройдет, и лишиться глаз... Нет! Это было уже крайним кошмаром.

Голос над самым ухом что-то настойчиво повторял раз за разом, и я помимо воли начал прислушиваться. Мне казалось, что женщина просила немного потерпеть, подождать, и тогда все будет хорошо. Подождать совсем немножечко.

Только вот зачем?

Я снова дернулся, отворачивая голову, когда меня с силой прижали к камням. Однако существо вполне мирно устроилась на верхней части моего лица, и холодок, исходящий от липкого слизня, словно начал впитывать в себя всю боль. Это было так неожиданно, что я замер, позабыв о необходимости дышать. Я буквально чувствовал, как боль капля за каплей уходит через мои глаза к этому существу, и это было лучшим избавлением от страданий.

Женский голос панически запричитал, и меня ощутимо

тряхнули за плечи. Боль, от которой я уже успел отрешиться и забыть, нахлынула разом и на все тело сразу. Меня замутило от этого всепоглощающего безумия. Всклипнув, я хрипло застонал и понял что плачу. Слизню казалось только этого и не хватало, что бы еще больше расползтись по глазам.

Ласковые руки погладили меня по волосам, и это было так похоже на прикосновение мамы, что я разреvelся еще сильнее. С трудом высвободил левую руку, и не обращая внимания на недовольные голоса, закусил большой палец зубами.

Мама, прости меня глупого!

Что же я наделал!

Руку настойчиво отстранили, и я почувствовал как к губам поднесли что-то холодное. Ледяная вода с каким-то странным, отдаленно знакомым вкусом полилась в рот, и мне ничего не оставалось, кроме как сделать несколько глотков.

Холод воды тут же начал расходиться по всему телу, и к своему великому изумлению, я почувствовал, что боль начала отступать. Не сказать, что она исчезала, просто глохла, становясь чуть слабее с каждым ударом сердца.

А через минуту, в течении которой рука все так же гладила меня по волосам, я вдруг понял, что начинаю различать слабые отголоски теней. И они становились все ярче и отчетливей, от чего я уже не находился в полной темноте, а словно меня окружали серые хмурые сумерки. Я уже мог различить сквозь это существо на глазах силуэты трех людей, склонившихся надо мной, и был готов еще больше разреветься от

счастья.

Я не ослеп!

И люди, что сейчас занимались мной, явно знали свое дело. Тело уже болело не так сильно, как прежде. Зрение вернулось. Скоро они свяжутся с моими родителями. А там... Папа будет бегать и трясти деньгами, выбивая самое лучшее лечение и понукать мне какой я глупый. А мама защищать меня и лечить своей любовью и лаской, прятать слезы от меня. И возможно тогда они помирятся, ведь у отца не будет столько времени, что бы он мог заняться своим новым проектом.

Женщина снова погладила меня по волосам и что-то спросила. Как я не силился, но не смог понять ни единого слова.

Стараясь не обращать внимания на то, что мою левую руку все пытаются положить на камни, я все же вырвал ее и стал лихорадочно расстегивать на шее застёжки гидрокостюма. Там, на шее, висели медальоны, на подобие тех, что носят армейцы. На них были выгравированы телефоны отца и матери, а так же мое имя. Отец говорил что правильно их называть жетонами, но я все никак не мог привыкнуть к этому слову. Говорил, что это глупо, носить на шее брелок, как собачка, что бы не потеряться. Зато девчонки в классе буквально с ума сходили от таких штучек, и мне это льстило.

Мои спасители не поняли, что я хотел им показать жетоны, и начали рьяно стягивать с меня костюм. О, лучше бы они этого не делали! Сначала болью отозвались ребра, потом

и рука с ногой. Застонав, я сжал челюсти до ломоты и развел что не потерял сознание, прежде чем они поняли что делают мне больно и отстранились. Повиснув безвольной куклой на руках женщины, я слышал как она раздает команды, но что именно она говорила, все так же не понимал. Позволил еще пару раз напоить себя той ледяной водой, и с благоговением ощутил, как все тело немеет и становится чужим. Даже боль притупилась на столько, что я не заметил как с меня стянули таки верхнюю часть костюма. Я перестал слышать все пере-ломы и раны, но вот нога, словно отказываясь подчиняться общему порыву, все равно болела.

—Позвоните маме,— прошептал я, силясь рассмотреть женщину, склонившуюся надо мной. —Я — гражданин России. Там, на груди, жетоны с номерами телефонов...

К моим губам прижали палец, и я понял что меня просят замолчать. Что мне оставалось делать? Я замолчал.

Это было так здорово, ничего не чувствовать, висеть где-то между сном и реальностью. Покорно принимать тихое поглаживание по волосам, и слушать как женщина что-то тихо говорит. Я не понимал ни слова, но у нее был такой приятный голос, что слушать его было одно удовольствие.

Мое эйфорическое состояние ну просто не могло продолжаться вечно, и когда вдруг слизняк на глазах беспокойно зашевелился, я чуть не выругался от неожиданности. Глаза защипало, и я зажмурился. Было почти больно, и я рванулся сорвать его с себя, но, к ужасу происходящего, смог оторвать

руку лишь на пару сантиметров от камней.

Она не слушалась!

Все тело не слушалось! Максимум на что я был способен, это с усилием повернуть голову, и еле шевеля каким-то ватыным языком, облизать губы, вмиг пересохшие и непослушные. Однако сознание было ясным, и это состояние тела пугало до безумия.

—Уберите его,— прошептал я, морщась от рези в глазах.

И его убрали. Поняли что я хочу, и без лишних слов, сделали именно так как я просил.

Для того что бы открыть глаза, мне пришлось приложить по истине гигантское усилие. Возле меня сидела женщина, столь красивая, что я не мог оторвать от нее глаз. Светло русые волосы были заплетены в две косы, большие зелено-голубые глаза светились волнением, а на губах, красных от природы, играла заботливая улыбка. Ей было наверно лет двадцать пять — тридцать, но, черт возьми, в такую можно влюбляться и мне.

Что-то сказав мне, она явно ждала ответа. Боже, как же мне объяснить ей что я ее не понимаю? Я скосил глаза и попытался сориентироваться, но увидел лишь камни и бескрайнее сумеречное небо. Попытался поднять голову, и посмотреть как сильно я пострадал, но не смог. И перехватил заинтересованный взгляд девушки.

—Что со мной?— если честно, то я не надеялся что она меня поймет. Однако, то ли этот вопрос был из разряда тех, что

обычно задают в таких ситуациях, то ли она на самом деле поняла что я хочу от нее узнать. Но она явно меня поняла!

Задумавшись, она стала показывать на себе пальцами. Провела по щеке пальцем, и я поморщился. От самого уха и носа, и по скуле будут обалденные шрамы! Коснулась виска, и на секунду задумавшись, стукнула кулаком по ладони. Немного повернула голову, и, коснувшись затылка, то же стукнула кулаков ладонь. Ага, этой раны я не чувствовал, но раз она ее показала, значит она не пустячная.

Коснулась бока, и показав три пальца, сделала вид что ломает ветку. Я сморщился, поняв что она хочет сказать. Три ребра сломано.

Показала на плечо, и задумавшись, несколько раз сломала воображаемую ветку. Ага, сложный перелом. Плохо! Очень плохо!

Чуть ниже плеча порез сантиметров на двадцать. Ох, если мышцы срастутся неправильно- все, инвалид на правую руку.

Дальше было еще хуже. Она сломала локтевой сустав, причем сама поморщилась от этой раны, и пальца на правой руке.

Потом задумалась, стоит ли продолжать. Я перевел взгляд на ее ноги, обтянутые черными кожаными бриджами, и удивленно замер, увидев на поясе совсем не маленьких охотничий нож в ножнах. Женщина не поняла моего взгляда, и подумала что я прошу продолжения. Коснувшись бедра, она

так жестоко сломала воображаемую ветку, что я обреченно застонал. Мы в этом году в школе как раз проходили анатомию человека, что бы я понял что с этим переломом – я обречен. Возможно все и срастется, но хромота навеки будет напоминать о моей глупости.

Женщина закусила нижнюю губу, глядя на мою ногу, но потом все же достала из своих ножен огромный тесак и прижала кончик к своей коленке. Я не понял. Удивленно смотрел ей в лицо, и не понимал. Не хочет же она сказать что я остался без ноги? Я же чувствовал что она болит и ниже коленки, но ее показательные действия мне ни о чем не говорили.

Вздохнув, она села рядом со мной, и легко, словно я совсем ничего не весил, приподняла за плечи. Я скользнул взглядом по страшному отеку на ребрах, про себя думая, а не повредил ли того, что находится под ними. Задержал взгляд на сломанной руке, и увидев торчащую кость из кожи чуть выше локтя, с трудом поборол ком в горле. Нет, такие переломы если и срастаются, то напоминают о себе всю оставшуюся жизнь. Штаны гидрокостюма были распороты вдоль правой ноги, и я отметил чуть ли не черный синяк на бедре, и...

Я чуть не задохнулся, увидев торчащий из под коленки нож. Тот самый, которым перерезал трос. Он по самую рукоять ушел под самую чашечку, и я застонал. Всё! Инвалид на всю жизнь! Скорее всего они пытались вытащить его, но

не знали что на лезвии имеется крюк для перерезания троп и веревок.

Даже если кости и срастутся, то восстановить связки и сухожилия не удастся. Да на лечение не хватит всех отцовских денег!

Представив что буду обузой отцу и матери на всю оставшуюся жизнь, а передвигаться только на инвалидном кресле, я застонал и закрыл глаза. Женщина тут же опустила меня обратно, и поднесла к губам чашу с обезболивающим питьем. Сжав губы, я с усилием отвернулся, уткнувшись лицом в ее ногу. Она показалась мне такой теплой и живой, что стало тошно. Ну как я смогу жить, зная что являюсь обузой родителям? Они будут жалеть меня, улыбаться и уверять, что все хорошо. Но в душе ненавидеть и жалеть о том, что я сразу не умер. Нет!

Я повернул голову, и поймав тоскливый взгляд женщины, с трудом прошептал.

—Убей меня.

Да, она не понимала моих слов, но все же поняла что именно я от нее хочу, и с ужасом отшатнулась. Отрицательно покачала головой, что-то громко залепетала.

—Убей! Я не хочу быть уродом,— снова повторил я, и с огромным усилием, задрал голову, оголяя шею. Мой взгляд был прикован к ножу, висящему снова в ножнах у нее на поясе, и я молил, что бы она послушала меня.

—Ты же понимаешь что я не жилец! Убей меня! Убей,— я

уже ни о чем не думал. Сознание отрешилось от всего, желая лишь освобождения от мук.

А женщина все лепетала на своем странном языке. Указывая рукой куда-то вдаль, и отказывалась выполнять мою просьбу.

Я опустил ресницы и попытался отрешиться от всего. От боли, от безысходности и очень красивой женщины. Ругал себя за то, что сам виноват в том, что со мной случилось. Если бы я не повел себя как ребенок, и не стал бы подслушивать разговор родителей под дверью, то и не побежал бы на ночь глядя на обрыв, не увидел бы этого проклятого света, не рискнул бы выяснять от куда он. И не сломал бы свою жизнь. Что меня ожидало в будущем? Месяцы на больничной койке, долгие часы в борьбе с болью и отчаянием. Неработающая правая рука, не способная держать даже ложку. Отбитые внутренние органы (а в этом я нисколько не сомневался). Инвалидное кресло или костыли. И страшное, изуродованное шрамами лицо.

Я уже начал проваливаться в сон, когда рядом на камни упало что-то деревянное, и два мужских голоса, явно недовольных, стали спорить с женщиной. Я насторожился, и к своему удивлению, услышал как она одной короткой фразой остановила их. Больше не пререкаясь с женщиной, они подняли меня с камней на носилки, и куда-то понесли. На то, что бы посмотреть куда именно меня несут, сил уже не оставалось, и укаченный мерной походкой людей, я снова начал

засыпать. Из головы настойчиво не хотела уходить лишь одна мысль. Этот отказ от смерти, которым меня одарила женщина, беспокоил меня не на шутку. Ей было достаточно лишь чуть коснуться ножом моей шеи, перерезать любой из сосудов, и тогда я бы спокойно умер во сне. А среди многочисленных ран, небольшой порез, никогда не укажет на ее причастность к моей смерти. Сейчас же я был уверен, что не выживу. Точнее, возможно и выживу, но не смогу жить с такими увечьями.

—Мамочка, прости меня,— прошептал я. Сам себя убеждая что возможно она меня сейчас и не слышит, но почувствует своим материнским сердцем мое раскаяние.

Спокойное покачивание носилок как-то плавно отступило на второй план. И мне уже казалось что меня укачивают волны бескрайнего моря, и для того, что бы избавиться от мук, терзавших душу, было достаточно лишь протянуть руку и перекрыть винт на баллоне с кислородом. А потом я провалился в крепкий сон.

Первое что я услышал, это был тихий плеск под самым ухом. Потом лишь понял что просто уснул в ванной, и резко дернувшись, сел.

Нет, я на самом деле лежал в ванной, но не в своей. Более того, все вокруг было не мое. Чужое помещение, чужая ванна, какая-то низенькая и широкая. Вода голубовато-зеленого цвета. Обитые деревом стены, гладко отшлифованные и по-

крытые лаком. Стопка полотенец, лежащих на столике возле большого зеркала. И все. Одна дверь за спиной. И ни окон, ни кранов для воды. Хотя, судя по всему, вода была из больших керамических кувшинов, стоящих в ряд возле дальней стены. А под потолком светился мягким светом большой белый шар, от света которого спросонья даже заслезились глаза.

Наверно я все еще сплю, и вижу сон. И все это – продолжение того кошмара.

Вспомнив тот ужас, я вскочил на ноги, и тут же со стоном рухнул обратно в воду. Правая нога уже не была синей. И судя по тому, что я мог на нее хоть и не долго, но опираться, кости зажили. Но как же она болела!

Снова сев, я стал растирать ногу, от чего боль немного стихла, и я смог уже спокойно осмотреть всего себя. Если не обращать внимание на то, что я был абсолютно гол, то все со мной было в порядке. На коленке белел небольшой шрам, а на бедре, где раньше был страшный черный синяк, длинная тонкая белая полоса. Видимо, что бы сложить раздробленные кости, врачам пришлось резать ногу. Я тут же откинул дурные мысли, и ощупал ребра. Здесь все было как прежде. Они даже почти не болели. Лишь при более сильном нажатии, отдавали слабым отголоском боли. А вот вся правая рука была буквально покрыта шрамами. Несколько белых полос на плече, аккуратно зашитых и полностью заживших, без каких-либо неровностей. Та рваная рана, то же

защитая, но все еще безумно болевшая. Локоть, с новыми шрамами. И даже на пальцах, там где были сломаны фаланги, было несколько новых шрамов. Причем все они были тоненькими и совсем не мешали. Мне захотелось увидеть свое лицо, но до зеркала я не смог бы добраться ни как, так что пришлось обойтись тем, что чувствовали мои пальцы. Две неровные полосы, тянувшиеся от уха, одна внизу по скуле, другая по щеке к носу. От двух ссадин на голове так вообще ничего не осталось.

Чертыхнувшись, я потянулся к полотенцам. Было мало приятного лежать голым в ванне, зная что сюда заходят люди. Я смог уронить всю стопку на пол, и подхватив ближайшее к себе, с трудом обмотал его вокруг бедер.

И вовремя.

Дверь за спиной тихонько скрипнула.

–Зачем ты встал? Вернись обратно в воду,– в дверном проеме стояла та самая женщина, что спасла меня после падения. Только на ней сейчас были не кожаные бриджи и обтягивающая грудь рубашка, а весьма скромное, длинное в пол, белое платье. Однако я сделал вывод, что в штанах она смотрится куда как более симпатичней. И лишь потом до меня дошло, что я понимаю ее. Слышу, что язык и не русский, и не английский, но понимал его так же хорошо, как если бы он был для меня родным. Понимал каждое слово.

Сидел в странного цвета воде, обмотанный полотенцем, с открытым ртом и смотрел на женщину как последний дурак.

Женщина подошла ко мне и положила ладонь на мое плечо.

—Я понимаю, что у тебя сотня вопросов, и я готова на них ответить, но для начала вернись и ляг в воду.

—Я... вас понимаю,— прошептал я и тут же с ужасом зажал рот ладонью. Я сам говорил на чужом языке!

Женщина ласково улыбнулась и по матерински погладила меня по голове.

—Ну а раз понимаешь, то, пожалуйста, ляг обратно в воду. Твое лечение еще не закончилось.

Пришлось подчиниться ее просьбе и довольно сильному нажатию на больное плечо.

—Меня зовут Маришь,— женщина села на край ванной, не обращая внимания на мокрые борта. Достала откуда-то маленькую баночку, и стала рассматривать и ощупывать шрам у меня на щеке. —А тебя как зовут?

—Джейк... Джейкоб.

—Джейкоб,— она коснулась пальцами уголка моих губ, и я весь напрягся. У нее были теплые мягкие пальчики, и я поразился откуда в них могло быть столько сил. —Странное имя.

—Друзья зовут меня просто Джейк.

—Джейк, —она снова улыбнулась, и открыв баночку, стала осторожно мазать шрамы у меня на лице ужасно пахнувшей мазью. —Боюсь, что шрамы останутся. Будь моя воля, я бы засунула тебя в воду с головой, но увы, тогда ты захлебнешься.

Да и она полностью не избавит тебя от них.

—В воду?— я откинулся на удобную выемку для головы, и закрыл глаза.

—Это живая вода. На то, что бы спасти тебя, ушел почти полугодовой ее запас.

Я ничего не ответил. Живая вода, эта обалденная женщина со странным именем Маришь, чужой язык. Все это было так похоже на сон.

—Ты устал. Тебе лучше поспать,— женщина поднялась, но я тут же перехватил ее, больной рукой сжав ногу через тонкое платье.

—Где я, Маришь? И где мама с папой? Что это за место? Я все еще сплю, или я умер?— я понял что не могу удержать ее, и пальцы без сил разжались.

—Нет, ты не умер. И ты не спишь, пока еще... Ты просто попал в чужой... другой мир.

Она присела рядом со мной на корточки, и коснулась моих волос. Ее лицо теперь было на уровне с моим, и я понял, что она на самом деле самая красивая женщина, которую я когда либо видел.

—Ты первый человек, который попал в наш мир... живым. И мы не могли дать тебе умереть.

—Я хочу домой,— тихо прошептал я, борясь с нехорошим предчувствием.

—Прости, малыш, -она опустила глаза. -Но я не могу тебе помочь в этом. И дело не в том, что я не хочу. Я просто не

знаю как это сделать.

—Но...

—Джейк,— она посмотрела мне в глаза, и я проглотил слова. Я так остро понял, что она не лжет, что был поражен этим открытием. —Мне очень жаль, что ты сейчас оторван от дома, от родных. Я не знаю причин, почему ты попал в колодец, и я не понимаю как ты смог выжить. Но как только ты поправишься, и сможешь совершить путешествии, мы отправимся на великий Совет, и там мы попробуем найти способ вернуть тебя обратно. И постарайся не плакать. Живая вода не переносит соли. Я более чем уверена, что уже через пару дней ты будешь как новенький, и забудешь о ранах и боли. Отдыхай и позволь воде вылечить твоё тело, а потом мы сможем нормально поговорить и успокоить твой разум.

Я смотрел как женщина плавной походкой скользнула к двери, и обернувшись, подмигнула. Она была безумно красива, и я с запозданием понял, что одна из важных частей моего тела отреагировала на нее вполне последовательно.

Устыдившись, я отвернулся и нахмурился.

Что бы не несла в себе эта живая вода, но она не только лечила, но и заставляла тело самому думать и решать о том, что ему надо. Когда тело признало, что ему нужен отдых, оно буквально тут же расслабилось. А увидев сексуальную женщину — оно захотело эту женщину. Что же оно выкинет в следующий раз? И как долго это продлится?

Когда я в следующий раз проснулся, то с удивлением от-

метил что голоден как бездомный пес, а во всем теле столько энергии, что хватило бы на основательную пробежку.

Полежав еще с десятков минут, и поняв что не смогу уснуть не съев хотя бы маленький сэндвич, я выбрался из ванны и стерев воду, обмотался самым большим полотенцем, которое нашел. И лишь после этого рискнул посмотреть на себя в зеркало.

Сколько бы времени я не пролежал в этой воде, но волосы у меня отросли сантиметров на десять, и теперь их можно было бы собирать в хвост. Однако больше всего меня смущали две белые полосы на щеке. Одна, тянувшаяся по скуле и на подбородке сворачивающая к губе. Другая, от уха, под самым глазом, и заканчивающаяся возле носа. Шрамы выглядели так, словно им уже не один год, и не создавали на коже неровностей. Но они были. И совсем не красили лицо.

Вздохнув, я растрепал волосы, надеясь что их темный цвет отвлечет внимание от лица, но увы. Мама, когда увидит все эти следы травм, наверно с ума сойдет.

Минут пять у меня ушло на то, что бы обследовать все тело и убедиться что все зажило идеально, а те тонкие шрамы, осторожно зашитые и идеально сросшиеся, не сковывают движений. Оставалось только надеяться, что не останется последствий травм. Попробовал сделать несколько выпадов, и почувствовав, как тело болезненно заныло, поморщился. Но не остановился. Размял скованные судорогой мышцы, и снова стал разминаться. На этот раз мышцы отозвались

странной смесью горячего тепла и приятной боли, но не подвели. Каждый выпад или движение были точны и стали даже как-то более верными. А те приемы, которые у меня не всегда получались на занятиях, с первого раза были идеально выполнены.

Н-да, если правда, что живая вода творит чудеса, то на ее совесть можно было повесить и этот подвиг. Она перестроила мое тело так, что бы оно само подстраивалось к тому, что мне надо. Нужна растяжка мышц – пожалуйста. Плавность движений и резкие быстрые реакции – пожалуйста. Интересно, а если мне нужно будет вывернуть локти в другую сторону, мой организм примет это как должное?

Поняв, что зарапортовался, я снова глянул на себя в зеркало, и поправив полотенце, посмотрел на дверь. Сидеть здесь и ждать, когда кто-нибудь появится- было самой большой глупостью. Возможно, мне придется сидеть здесь несколько часов, ведь не обязательно то, что Маришь придет в ближайшее время. Да и с чего я вообще взял, что она придет? Что я, пуп земли что ли, что бы она заботилась только обо мне? Как будто у нее нет больше никаких дел!

Настроившись, выглянул за дверь. Ожидал увидеть какую-нибудь комнату, вроде кабинета врача, или в крайнем случае спальню, к которой прилегала ванная комната. Но ни как не ожидал оказаться в длинном, богато обставленном коридоре, с большими витражными окнами по одну сторону, и несколькими дверями по другую. Мягкий красный ковер

устилал пол, а возле стен стояли красивые резные диванчики, обитые красным же сукном, и большие кадки с цветами. На стенах висели картины, изображавшие купающихся людей и каких-то мифических животных.

Полностью ошеломленный, я ступил на ковер, и с разинутым ртом подошел к окну, но ничего кроме высоких деревьев не увидел, а из-за густой листвы разглядеть что было ниже, не было никакой возможности.

Стараясь не обращать внимание на то, что мне до ужаса приятно ступать босыми ногами по ковру, я тихо подошел к одной из двери, и заглянул в комнату. Там была почти такая же ванная комната, из которой я вышел, но уже с двумя ваннами. В следующей комнате оказался небольшой бассейн, наполненный водой. В следующей – парилка как в финской сауне.

Так, значит я нахожусь... где? В СПА салоне?

Я дошел до конца коридора и заглянул за последнюю дверь.

Нет, ну это уже не серьезно! Это явно не СПА салон! Не могут быть в таких салонах огромные залы с позолоченной лепниной и росписью на потолках, с мраморными статуями, венчающими своими громадными фигурами потолок. С мраморной мозаикой под ногами и явно дорогой мебелью. Разве что в театре каком-нибудь.

Я стоял на холодном полу босыми ногами, и не чувствовал холода от удивления. С отвисшей челюстью рассматри-

вал роспись на стене, и не сразу заметил что не один.

Вздрогнув от покашливания за спиной, я резко повернулся, да так и замер с открытым ртом.

В дверном проеме стоял мужчина, и его недовольный взгляд буквально прожигал меня насквозь. О том, что я нарушаю все правила приличия, и тупо пялюсь на человека, я даже не думал.

Вот бывают же большие люди. Но это человек был не просто большим, он был громаден! Настоящий великан! И в нем не было ни сантиметра лишнего жира, а все тело было сплошным сгустком мышц. Я зацепился глазами за его руки, и ком застрял где-то поперек горла. Каждый кулак этого человека был размером с мою голову.

—А, так значит если вы, молодой человек, все таки решили выжить, то считаете приемлемым шарахаться по дворцу в чем мать родила?— его голос мне напомнил раскат грома, и я чисто интуитивно отступил обратно к двери, из-за которой вышел.

—Простите,— я разве что не заикался, прося прощение на незнакомом мне ранее языке охрипшим голосом. А про себя уже думал, что нужно будет выяснить, откуда я научился ему. —Я никого не хотел обидеть. Я сейчас же вернусь обратно.

Я бросился к двери так быстро, как только мог в своей импровизированной тоге, но дверь захлопнулась и не открывалась. Я дергал за ручку, и проклинал свое любопытство.

А громкий хохот за спиной заставлял меня нервничать еще больше.

—Ладно, не бойся. Не обижу,— он дождался когда я повернусь к нему, и отступил от двери, освобождая проход. —Ну а раз ты ожил на столько, что можешь передвигаться, то пошли. Я покажу где ты сможешь привести себя в порядок.

Я растерянно захлопал глазами. Мне было страшно даже просто подойти к этому человеку, а уж о том, что бы следовать за ним не могло и быть речи. И тут я увидел у великана на поясе огромный меч, вдетый в скромно украшенные ножны. Меч! Самый настоящий меч, а не театральную бутафорию!

—А вы, собственно, кто? И где Маришь?— я не сдвинулся с места даже тогда, когда великан подошел ко мне. Однако от волнения сердце было готово разорваться от ужаса. Боже, я ему даже до плеча не дохожу! Дышу где-то на уровне солнечного сплетения, и при этом всегда считал, что сто семьдесят сантиметров для моих четырнадцати лет — это много.

—Меня зовут Хогард. Я старший телохранитель леди Маришь. А тебя, если не ошибаюсь, зовут Джейк.

Я кивнул, все более сомневаясь в том, что проснулся, и все это не сон.

—Ну а раз мы познакомились, то не пора ли тебе одеться? Не можешь же ты предстать перед их величествами в таком виде.

—Их величествами? — я понял что начинаю сходить с

ума. Здесь еще и коронованные особы имеются! -А их что, несколько?

Теперь пришла очередь великана разинуть рот от удивления.

—Конечно. Неужели леди Маришь не сказала тебе что она принцесса? Ее отец — король Комоло, а королева — Фелисси-ти,— я отрицательно покачал головой, не обращая внимания на растрепавшиеся волосы. -Все, пошли.

Он сжал мое плечо, и я приложил просто невероятные усилия что бы не броситься от него на утек, позволить увести себя.

Мы проходили пятый по счету зал, когда телохранитель вдруг усмехнулся.

—Н-да, все же мне казалось что ты будешь чуть крупнее.

—То есть?— я удивленно задрал голову, и тут же споткнулся о ковер. Упасть мне не дала все та же ладонь на плече, удержавшая от постыдного падения на колени. Однако я все же чуть не потерял полотенце, и, покраснев как рак, опустил глаза.

—Уж больно ты мелкий!

—К вашему сведению, я все еще расту!— буркнул я, осмелев на столько, что снова задрал голову и посмотрел на великана. -И раз уж на то пошло, то я еще ребенок!

—Ага, ребенок,— телохранитель присвистнул. -Видел я, как ты вылетел из колодца...

—Вы были там?— я резко остановился, и сам того от себя

не ожидая, схватил Хогарда за руку.— Что это за колодец? Можно ли по нему вернуться обратно? А вещи, которые были со мной, где они?

—Так, по порядку,— мужчина высвободил руку и на несколько секунд задумался. — Да, я был там, и видел как ты вылетел из колодца. Колодец- это путь из другого мира. И нет, я не думаю что по нему можно вернуться. Твои вещи сейчас исследуют наши ученые, что бы быть уверенными в их безопасности.

—Но ведь...

Он снова подтолкнул меня вперед.

—Я лишь хотел сказать, что видел с какой высоты ты разбился о воду, и что закричал от боли только когда мы попытались извлечь нож из ноги. Я видел как дети терпят боль от царапины на коленке, или, в крайнем случае, от сломанной руки. Но по большей части они просто теряют сознание от боли. У тебя же были не просто сломаны рука и нога. Плечо и нога были буквально раздроблены, и я не уверен, что смог бы сам так терпеть боль.

—Я не думал о ней в тот момент,— я шел рядом с великаном, чисто машинально переставляя ногами.

—Да? И о чем же ты думал, раз уж ты смог так отрешиться от всего происходящего?

—О родителях... и о смерти,— я остановился, снова вернувшись в воспоминания. —Хогард, я хотел умереть... Я не смог бы быть вечной обузой маме с отцом. Я ведь понимал, что

с такими травмами я останусь инвалидом на всю жизнь... Ни передвигаться самостоятельно, ни держать что-то в руках. Ведь вся правая рука была буквально разбита...

—Она и была разбита,— телохранитель подтолкнул меня к очередной двери, и распахнул ее передо мной. Я даже не обратил внимания, что стоим мы в богато обставленной спальне. —Если бы тебя нашли не мы с принцессой, а какие-нибудь солдаты или слуги, то у тебя не было бы шансов. Ты бы не выжил.

—Да, мне повезло,— я вспомнил как Маришь гладила меня по голове, и слезы застыли в глазах.

—Только во дворце оказался такой запас живой воды, что бы мы могли засунуть тебя в нее полностью. Не дай то Бог кто-нибудь узнает что во дворце нет живой воды...

Так, ладно, предположим, что живая вода на самом деле существует. Где именно я нахожусь — выясним позже. А вот что это за вода, что на меня ее потратили так много, что об этом никто не должен знать, выяснить стоит.

—Что? На меня потратили всю воду?— я забыл о своих несчастьях, представив во что могло обратиться мое спасение. Спасая меня, они могли не спасти кого-нибудь более важного.

—Ну не всю, конечно. Осталось немного на экстренный случай. Но принцесса говорила, что если бы потребовалось, то потратили бы и ее.

—Ради меня?— я недоверчиво повернул голову, и присмот-

релся к телохранителю. -Хогард, кто я такой, что бы ради меня поставили под угрозу экономику и социальное положение людей? Сколько могла спасти жизней эта вода?

Телохранитель явно был недоволен исходом разговора.

-Хогард,— тихо напомнил я о своем вопросе великану.

-Пару тысяч от болезней, и около тысячи от не смертельных, но опасных ран.

-Но мои раны не были смертельны, Хогард. Зачем ради меня пошли на такой риск?— я смотрел как великан старательно отводит глаза. -Лучше расскажи мне сейчас ты, Хогард, чем я в лоб спрошу об этом у этого... короля.

Великан решительно глянул на меня сверху вниз и как-то усмехнулся.

-Скажем так, твои раны, хоть и не все, но были смертельны. Тебя ожидала мучительная медленная смерть от множества разрывов внутренних органов, от кровоизлияния мозга и отравления черным ядом и...

-Чего?— я поддался ближе к великану и с ужасом посмотрел на него. -Какого яда?

Телохранитель загадочно воздел глаза к потолку.

-А ты спроси об этом у короля,— он дернул за тоненький шнурок на двери, и тут же в комнату зашли двое слуг, несших стопки одежды. -Слуги помогут тебе одеться.

Эти слуги, ростом не на много ниже самого Хогарда, низко поклонились, и я заметил что адресован поклон был именно мне, а не телохранителю.

—Милорд,— один из слуг жестом указал на часть комнаты, которую я изначально принял за ажурную роспись по стенам. Там, за позолоченными ажурными кружевами стояла ванна, наполненная горячей водой, и что-то издали напоминающее туалет. Я удивленно повернулся к телохранителю.

—Я же только что вылез из ванны! Неужели вы думаете, что за десять минут, я мог испачкаться?

Хогард обреченно вздохнул и отвел глаза. И столько в нем было усталости, что я понял — спорить бесполезно.

Что же это получается? Только я вылез из колодца, меня засунули в ванну с живой водой. Только я вылез из живой воды — меня силком заставляют лезть в новую ванну. Кожа буквально таки не успевает полностью высохнуть, а меня снова в воду! Да у меня скоро жабры вырастут! А там, глядишь, и хвост как у рыбы появится!

Гордо задрав голову, и мертвой хваткой вцепившись в полотенце, я прямо так и зашел в большую чугунную ванну с львиными лапами вместо ножек. Испепеляя телохранителя гневным взглядом, я стерпел пока мне мыли голову и спину, но с криком выгнал слугу, когда тот вздумал продолжить умывание. Шарахнулся от второго слуги, намеревавшегося вытереть меня полотенцем. Что я, рук не имею?

Кутаясь в новое сухое полотенце, я зачесал волосы назад, и увидел как в глазах одного из слуги мелькнула тень ужаса. Он старательно отвел глаза от моего лица, и побледнел еще больше, увидев шрамы на руке и ноге. Я вопросительно

встретился с ним глазами, и отвернулся. Этот слуга, волей не волей, дал мне понять что я теперь буду видеть в глазах окружающих. Как бы ровно не срослись разорванные края лопнувшей кожи на лице, шрамы останутся шрамами. И каждый, подсознательно, будет представлять какую я боль перенес.

Поборов желание снова взлохматить волосы, я сжал зубы и со злобой шикнул на второго слугу, желающего побрызгать меня какими-то духами. Чувство ярости и злости переполняло меня так, что еще мгновение, и я бы взорвался.

Так, спокойствие! Нужно закрыть глаза и постарался выдохнуть из себя всю ненависть. Досчитать до десяти. У меня не должно быть повода злиться на этих людей, выполняющих свою работу. У меня не должно быть повода ненавидеть их за их страх, ведь я и сам боюсь неизвестности. Я должен быть спокоен!

Открыв глаза, я по новому посмотрел на суетящихся вокруг меня людей. Они явно не знали с какой стороны подступиться ко мне, разлаживали на кровати одежду, сдували с нее невидимую пыль, и косились на меня. Кто я для них? Избалованный сынок какого-то аристократа или посла? Кто? Кто я такой, что меня надо приготовить для приема с коронованными особами? В их глазах я мальчишка, изуродованный и дикий.

Взяв со стола какой-то шнурок, я собрал волосы в хвост, после чего тихо попросил слуг оставить меня.

—Но, милорд...

Я впился взглядом в осмелившегося заговорить слугу, и тот побледнел. Так, я вдруг стал милордом. Замечательно!

—Я сам оденусь. Уходите,— я говорил тихо, зная что они и так меня слышат. И Хогард, видя нерешительность слуг, все это время с любопытством следящий за мной, вдруг пришел мне на помощь.

—Идите, я сам помогу милорду одеться.

Выпроводив всех лишних, он подпер плечом дверь и сложил руки на груди.

—А ты что, не можешь подождать за дверью? Или так и будешь стоять и следить за мной? Мне надо одеться!

—Возможно, тебе понадобится моя помощь. Так что лучше я останусь здесь.

Я отчетливо скрежетнул зубами.

—Тогда отвернись!

—Ха,— великан ехидно усмехнулся. —А я то уж думал что после недельного пребывания в чем мать родила, у тебя и мысли не возникнет о таких комплексах...

—Неделю?— я ошарашено уронил на пол только что взятую с кровати рубашку.

—Ну да.

Я был в шоке. Даже машинально коснулся пальцами шрама на лице и отросших волос.

—Но... как?

Как они смогли сделать меня снова живым и полноцен-

ным человеком всего за неделю? Ведь Хогард сам признался что травмы были несовместимы с жизнью. Неужели эта живая вода на самом деле оживила меня? И не стану ли я после этого живым ходячим трупом?

—Джейк,— телохранитель подошел ко мне и поднял рубашку с пола. —Давай сделаем так. Ты сейчас оденешься, и мы пойдем к королю. Если хочешь, можешь все сам спросить у него, или потом поговорить с леди Маришь. Вопрос о спасении твоей жизни они решали вместе, и мне не известно почему король пошел на этот шаг. Но хочу что бы ты знал — они боролись за тебя с самой смертью, и победили. Принцесса не отходила от тебя ни на шаг, пока не удостоверилась что твоя жизнь вне опасности, а его величество отменил все приемы во дворце и закрыл семейное крыло для всех посторонних. Само то, что они пожертвовали ради тебя живой водой, способной спасти сотни людей, уже значит много.

—Но, Хогард, прошла всего неделя,— я посмотрел на белые шрамы на плече. —В моем мире за пол года меня не смогли бы поднять на ноги. А волосы? Ты посмотри как они отросли.

—Не забывай что живая вода — живая,— великан мягко улыбнулся, чего я совсем не ожидал, и похлопал по плечу. —А теперь одевайся.

Я растерянно взял у него рубашку, чисто машинально благодарно кивнув.

—Отвернись. Может когда я был без сознания, я и не мог смущаться. А сейчас — мне стыдно. Отвернись!

Я начал натягивать рубашку, и вдруг, к своему ужасу, увидел что она по воротнику и рукавам расшита кружевами. Отшвырнув ее на кровать, я стал рыться в горе разноцветной одежды, падая духом. Все сорочки были на один манер, кружева на шее и рукавах. Возможно это было и модно в этом мире, но я не собирался выражаться в бантики и кружева как какая-то девица.

—А поприличней ничего нет?— я скептически рассматривал две сорочки, и все больше падал духом. Это был кошмар!

—Это наряд наследника барона. Вполне приличного качества и фасон ...

—Да плевать,— я снова начал рыться в одежде, потихоньку впадая в панику. Короткие штаны. Кажется такие называются бриджами, и их уже лет сто никто из мужчин не носит. Точно средневековье! Бриджи по колено так же были украшены тонким кружевом, а камзол, кажется так назывался раньше пиджак, кричал от обилия бантов. —Я не буду это одевать! Лучше останусь в полотенце!

—Это глупо.

—Глупо походить на девчонку!— я с остервенением потянул на бриджах кружево, желая вырвать его по самый корень. С трудом, но все же мне это удалось.

Хогард с минуту смотрел на то, как я борюсь со всем этим безобразием, и протянул мне нож.

Я несколько секунд рассматривал оружие в руке великана, напрочь позабыв обо всем на свете. Скромная простая ру-

коять, отполированная временем, только подчеркивала идеально заточенное лезвие из серебристой стали. Я мог бы поклясться, что лучшего ножа в жизни не видал. И дело было не в том, что он внушал доверие и надежность. Дело было в том, что я интуитивно почувствовал что лучшего ножа просто не может быть.

—Джейк,— Хогард недовольно смотрел на меня, и я вздрогнув, быстро срезал все кружева и бантики с выбранной мной одежды, и уже через три минуты смотрел на себя в зеркало. Темно синий костюм и кристально белая сорочка теперь совсем не походили на наряд клоуна. Классически строго и вполне прилично. А небольшие серебряные пряжки на туфлях (а я был готов голову дать на отсечение, что это именно серебро), словно отдавали должное всему великолепию вокруг меня.

—Ну, я готов.

Чисто машинально отбросив со лба выбившуюся прядь волос, я вдруг улыбнулся.

—А теперь на кого я похож?

—На сына борона, которому не светит наследство,— ехидно съязвил Хогард, но судя по тому, что он не прокомментировал мою выходку, и не морщился, глядя на меня сверху вниз, все было не так уж и плохо.

Что ж, посмотрим что будет дальше, но я отметил для себя то, что это маленькое приключение начинает мне нравиться.

—И еще, Хогард,— я воздел глаза к потолку, и изобразив на

лице самое невинное выражение, на которое только был способен, попросил. -Раз уж мне придется встретиться с королем и принцессой, и с королевой, то объясни мне, пожалуйста, как я должен к ним обращаться. Я должен поклониться? Как низко? А как к нему обращаться?

—К королю и королеве только «Ваше Величество» и низкий поклон,— Хогард продемонстрировал поклон и я кивнул.— К леди Маришь можешь обратиться «Ваше высочество».

Я закивал головой так, что в ней зашумело.

—Понял. Спасибо.

Уже не сомневаясь в себе, я последовал за телохранителем, с интересом рассматривая попадающихся людей. Все без исключения слуги были просто огромного роста, и от этого я все больше чувствовал себя здесь чужим.

—Хогард,— я в очередной раз открыл рот, когда мимо меня прошли трое солдат в сверкающих доспехах. Черт, да я их обмундирование даже поднять не смогу. Не говоря о том, что одев, утону в нем. -Здесь все такие высокие?

—Здесь — да.

Случайно я встретился взглядом с одним из солдат, и мог бы поклясться, что увидел в нем удивление. Чему он так поразился? Моему росту? Или моей просто шикарной физиономии? Или может я все же совершил ошибку, подкорректировав одежду?

—Н-да,— я отвел глаза от солдат и осмотрелся. Мы прошли

уже с десятков комнат, на которые я просто не обращал внимания, но мог бы поклясться, что если мне придется возвращаться обратно одному, точно не заблужусь.

—На службу во дворец набирают только высоких солдат и слуг,— утешил меня Хогард, заметив мою растерянность.

—Я всегда думал, что выбирая более мелких подчиненных, сам как бы становишься важнее и выше всех.

—Глупости,— Хогард рассмеялся. —Королю нет надобности доказывать свою власть, а такие солдаты,— он указал на удаляющихся людей. —Куда как эффективней в бою, чем карлики, вроде тебя...

—Что?— я ошарашено открыл рот, признав что уже не в силах бороться с яростью. —Я карлик? Да если хочешь знать, я с семи лет ходил на дзюдо, и могу отделать тебя не хуже чем боксерскую грушу!

Я увернулся от руки Хогарда, желающей схватить меня, и уперев ногу в его ступню, просто помог руке продолжить движение. Слегка подправил покачнувшуюся фигуру подножкой, я увернулся от второй руки, и Хогард с оглушительным грохотом рухнул на пол. Однако я его недооценил. Думая что с телохранителя хватит, я успел лишь пикнуть, когда великан быстро сгруппировался, перевернулся и вскочив на ноги, сбил меня с ног неизвестным мне до этого приемом. Сбил жестко и не щадя, отбросив в сторону на пару метров.

Не успел я еще справиться с шумом в голове и сбившимся дыханием, как почувствовал холодок на шее. Хогард, взлох-

маченный и усмехающийся, стоял надо мной и прижимал кончик лезвия своего страшного меча к моему горлу. Я испуганно сглотнул вставший в горле комок.

—Ты убит,— констатировал он, и с шелестом убрал меч в ножны.

Конечно, ему было весело! А вот мне, в отличие от него, совсем не понравилось лежать на полу и не дышать.

—Это было не честно!— я принял протянутую мне руку, и поправил одежду. И лишь потом увидел что двое стражей возле двери еле сдерживаются от смеха. Я сделал вид что не заметил этого.

—А убийство редко бывает честным.

Опешив от последней фразы, я уже не чувствовал себя таким смелым, и пристыжено замолчал. Мимоходом коснулся шеи рукой, убеждаясь что она цела.

—Знаешь, Хогард, не хотел бы я быть твоим врагом.

Телохранитель усмехнулся и кивнул стражам. Тут же перед нами открыли двери, и я, с самым глупым видом на который только был способен, разинув рот, вошел в зал для приемов.

Я никогда еще не видел столько драгоценностей в живую. Все здесь было украшено золотом и нефритом. Даже плитки на полу были из чистого белого мрамора, спаянных золотыми полосками.

—Закрой рот,— тихо прошептал мне Хогард, и подтолкнул в спину.

Вздрогнув от обидного толчка, я только сейчас заметил в что за большим столом у камина, утонув в мягком кресле, сидят трое людей. Если даже я не сразу заметил что они были просто не прилично роскошно одеты, то не заметить корону на голове мужчины, и тоненьких диадем на головах дам, я просто не мог.

Черт, за что мне все это?

Стараясь не обращать внимания на дрожь в ногах, я пошел к их величествам. Так, сделать поклон, поблагодарить за спасение, и спросить как вернуться домой. А потом? Ну, в первую очередь, было бы не плохо, поесть. Потом – выйти на улицу, и посмотреть этот колодец. И убедиться, что я не единственный карлик.

Я чуть не отступил назад, когда вся троица поднялась и шагнула ко мне.

–Ваше величество,– проямлил я, отвечивая поклон. И буквально почувствовал, как Хогард одобрительно кивнул. Меня едва не выбесило что он остался стоять в пяти шагах позади меня, и судя по всему, не собирался подходить ближе.

Я встретился глазами с королевой, с интересом рассматривающей меня, и смутившись, шагнул к ней. А дальше сделал наверно самый необдуманый поступок, на который только мог быть способен. Поклонившись, я перехватил ее ладошку, которой она пыталась остановить меня, и поцеловал кончики пальцев. Прямо как в фильмах про мушкетеров, галантно и почтительно.

Видимо, здесь было не принято так выражать почтение монархам. Королева смущенно покраснела и прижала ладонь к груди.

А я уже смотрел на Маришь. Боже, какая же она красивая! Светло русые волосы уложены в несложную, но элегантную прическу. А лазурные глаза светились неподдельным счастьем?

—Ваше высочество, —я поклонился, и усмехнувшись протянутой ручке, поцеловал ее.

—Я рада что ты поправился,— тихо произнесла она, и коснулась моей щеки. Как и в прошлый раз, ее ладонь была теплой и мягкой.

Мое внимание привлекла реакция короля на прикосновение Маришь. Он словно расслабился.

—Джейкоб,— он окинул взглядом меня с ног до головы, немного поморщился от вида шрамов на моей щеке. —Как твое самочувствие?

—Спасибо, ваше величество. Никогда прежде я не чувствовал себя так хорошо, как сейчас.

Они все улыбнулись, и вдруг заговорила королева. Ее голос, негромкий, спокойный, заставлял прислушаться.

—Джейкоб, у вас в стране принято так приветствовать?— она посмотрела на свою ладошку. И я покраснел.

—Было принято, ваше величество.

—И что это значит?

—Этим жестом я как бы говорю «Моя Леди, я у ваших

ног».

Я снова поклонился дамам, и пропустил мимо ушей смешок короля.

—Очаровательное приветствие,— королева подмигнула своему супругу, и тот, к моему полному смущению, обняв ее за талию, стал покрывать поцелуями ее ручки. Я увидел только как взметнулась охапка кружев и бриллиантов.

—О, дорогой, прекрати. Здесь же ребенок!

Вот тут я смутился так, что покраснели не только лицо, но и шея. Я отвел глаза, и замер, наткнувшись на заинтересованный взгляд Маришь.

—Простите, я думаю что наш гость доказал, что он не ребенок. К тому же,— Маришь взяла меня за руку, и машинально погладила когда-то разбитые пальцы. —Не стоит забывать, что это именно мы пригласили его. Джейкоб, как ты смотришь на то, чтобы пообедать за королевским столом?

От растерянности я просто открыл рот.

—Благодарю, ваше высочество,— все же я взял себя в руки. Или точнее Маришь, взяв меня под руку, повела за королевской четой в другой зал. По правде сказать, мне было совсем неловко идти рядом с принцессой, на пол головы возвышающейся надо мной. Радовало лишь то, что она не видит моего «красивого» лица.

Сидеть за столом, рядом с Маришь, чувствовать на себе взгляды не только правящей семьи, но и десятка слуг за спиной — было верхом моего терпения. В этот момент я был бла-

годарен маме, научившей меня как правильно вести себя в ресторане, как правильно держать нож с вилкой.

За эти пол часа, что я честно пытался поесть, меня раз десять вводили в краску какими-то довольно странными вопросами. Во-первых, мне не сразу поверили что мне на самом деле четырнадцать лет. К концу дискуссии на эту тему я сам уже начал сомневаться в своем возрасте, и мне то казалось что я старше, лет так на десять, то чувствовал себя глупым ребенком.

Во-вторых, мое нежелание носить кружева, истинно аристократическая черта этого мира, была им не понятна. Ну не мог же я заявить королю, одетого в те самые кружева, что это прерогатива женщин подчеркивать свою красоту. Пришлось наговорить столько глупостей про моду моего родного края, что любой дизайнер наверное умер бы на месте от разрыва сердца.

И в-третьих, желание короля, узнать о моей стране. Он категорично избегал слова «мир», косясь на слуг, и это меня убивало больше всего. Зачем заговаривать на такую щепетильную тему, если не хочешь что бы кто-то знал о моем происхождении?

—Прошу прощения, ваше величество, я думаю что смогу много рассказать о том месте, от куда я пришел. Но в более спокойном месте.

Я кивнул слуге, положившему мне на тарелку большой кусок мяса, и с блаженством отдал должное мастерству шеф

повара. Да, как бы мне не хотелось это признавать, но мама никогда не готовила так вкусно. Порой к нам на стол с ее рук ложились такие яства, на которые даже собаки не хотели смотреть, и мы всеми правдами и неправдами делали вид что нам нравится. Сейчас же, жуя сочное, в меру прожаренное мясо, сдобренное приправами, я был готов застонать от удовольствия.

Правда, я сразу отодвинул от себя подальше бокал с вином. Что бы ни пили аристократы в этом мире, но я, в свои четырнадцать, не собирался становиться хроническим алкоголиком. И по большей части в этом моем решении сыграл роль мой дедушка, любивший прилагаться к бутылке, а потом позорно ползающий по полу и считавший себя то черепахой, то выброшенной на песок рыбой. Его так и увезли в клинику для душевнобольных, в очередном приступе черепахоползания.

—Милорду подать другое вино?— слуга склонился рядом со мной в поклоне, и уже был готов начать перечислять названия вин, когда я его остановил.

—Нет, спасибо. Но если возможно, то не могли бы вы принести какой-нибудь напиток, не содержащий алкоголь? Чай, компот, сок. Хоть что-нибудь. Я буду благодарен даже обычному молоку.

—Милорд?!— слуга отшатнулся от меня так, словно я вылил ему на голову ковшик с ледяной водой.

Я с надеждой посмотрел на Маришь, и та как-то неуве-

ренно кивнула слуге.

—Принеси холодного молока. И сок росс,— она перевела взгляд на отца. —Я думаю, что Джейкобу пока на самом деле не стоит злоупотреблять вином. После того что он пережил, он, возможно, еще не совсем оправился.

Я согласно закивал головой, и так невинно захлопал глазами, что королева чуть не подавилась от смеха.

—Нет, вы это видели? Это самый необычный ребенок, которого я видел за всю свою жизнь!

Я опустил глаза, стараясь спрятать улыбку. Эта троица, совсем разная, но такая веселая, все больше мне нравилась. Король, разодетый в кружева, по возрасту разве что чуть старше моего отца, был жизнерадостен, и его было просто невозможно не полюбить. Королева же, чуть более строгая, но в то же время мягкая, словно сочетала в себе всю справедливость мира и понимание всего окружающего, была идеальной матерью для любого ребенка. А вот Маришь... Маришь сочетала в себе все мечты мужчины, даже столь юного как я. Она была красива, сексуальна, и в то же время, я ловил в ее взгляде нотки какого-то материнского беспокойства. Порой мне казалось что она смотрит на меня как на вполне взрослого мужчину, и понимает меня, а порой, когда она ласково касалась моей щеки или руки, мне хотелось стать маленьким ребенком, позволить ей ворковать надо мной. Это резкое противоречие чувств к ней, смущало, но я тут же признавался себе, что у меня нет перспектив ни в первом, ни

во втором варианте. Я не был ее ребенком. И просто не мог быть ее...

Бррр, вот я зарапортовался, так зарапортовался!

Никогда не сходил с ума по взрослым женщинам, а теперь буквально грежу ею наяву. Нет, определенно у меня что-то не в порядке с головой.

Передо мной поставили большой прозрачный бокал с напитком светло розового цвета, и я тут же почувствовал аромат свежей клубники и арбуза. На вкус же, напиток напомнил букета роз и малины. Такое нежное сочетание вкуса и запаха, не слишком сладкое послевкусие, и желание выпить еще и еще.

—Будь с ним осторожен,— Маришь коснулась моей руки, сжимавшей почти опустевший бокал. —Сок росс позволяет расслабиться и забыться, и если его выпить слишком много, то заболит голова.

—Я никогда не пил ничего подобного,— я на самом деле расслабился и откинувшись на спинку стула, прикрыл глаза. Мне показалось что я начал проваливаться в сон, когда голос короля выдернул меня из полусонного состояния.

—Маришь, не надо было предлагать его мальчику.

—Джейк был слишком напряжен, папа. Его напугало все это великолепие и то, что он сидит за столом с королем,— Маришь забрала из моих ослабевших пальцев бокал и я недовольно посмотрел на нее. —Прости, малыш, надо было предупредить тебя заранее.

—Это не вино,— констатировал я, сонно зевнув.

—Нет, не вино,— Маришь коснулась меня ласковым взглядом, и я насторожился. Что со мной происходит? После этого напитка весь мир стал таким мелочным и... Так, меня чем-то напоили! Но зачем? Что именно они хотят узнать от меня? — А теперь, Джейкоб, постарайся сосредоточиться и не расплываться.

Я ее не понял. Сосредоточиться? На чем? И что значит не расплываться? Я что, готов уснуть прямо за столом, в присутствии короля?

Я резко дернулся, и наваждение усталости как рукой сняло.

—Что... Что это было?— я выпрямился и с полным негодования взглядом, уставился на Маришь.

Она рассмеялась, звонко и беспечно.

—Это всего лишь сок росс, Джейкоб. Он помогает успокоить нервы, а ты весь был натянут как струна. Забудь об этикете и правилах, ты все равно их не знаешь. Не думай о том, что рядом с тобой сидят правители миллионов людей. Ты не относишься к числу наших подданных, и поэтому не стоит так бояться нас.

Король согласно кивнул дочери.

—Согласно некоторым обстоятельствам, ты ближе для нас чем любой из этого миллиона.

—Ну конечно ближе. Ведь сижу здесь с вами я, а не они,— ляпнул я и чуть не прикусил язык. Ой, дурак, что же я го-

ворю?

Король на мгновение задумался над моими словами, а потом рассмеялся.

—Нет, с тобой сложно говорить пока ты не понял что происходит и куда ты попал. Моя дочь говорила, что ты хочешь попасть на великий Совет?

Я кивнул.

—Я понимаю. Но боюсь тебя расстроить. Два дня назад на нашей границе с Алисандрией были замечены странные передвижения их войск. Они явно готовятся к войне, и поэтому Совет принял решение не собираться в этом месяце в Догране. Так как большинство членов Совета сейчас находятся в Касиме, они решили собрать Совет там. Их съезд назначен на последний день лета, и... Это еще полтора месяца. Мы постараемся переправить тебя туда к этому числу, но все оставшееся время тебе придется провести здесь.

—Полтора месяца? Но... Вы понимаете, что меня там ищут? Да мама с отцом наверное места себе не находят.

Я вскочил из-за стола, словно не замечая удивленного взгляда короля Комоло и Маришь, и буквально забежал на одном месте. Испуг, негодование и ярость смешались в такую гремучую смесь, что меня буквально трясло.

—Боже. Меня и так уже нет целую неделю. Да они перероют все побережье и наткнутся на брошенную лодку. А страховочный трос? Первая же экспертиза покажет что он был не порван, а перерезан.

Я сокрушенно рухнул обратно на стул, и чуть не отмахнулся от руки Маришь, крепко сжавшей плечо.

—Джейкоб, успокойся. На, выпей еще сока.

Она буквально заставила меня допить напиток, и я, к своему великому ужасу, отчаянно всхлипнул.

—Маришь,— я разве что не разревелся от обиды. —Зачем?

Я посмотрел мутным взглядом на девушку, и она снова погладила меня по щеке. Я отчетливо почувствовал как ее пальцы дрогнули, коснувшись шрамов, и собрав всю волю, что еще осталась, заставил себя не прижаться к этой теплой ладошке, не застонать от удовольствия.

—Ну вот, наконец ты вспомнил мое имя. Я понимаю, Джейк, что тебе сейчас тяжело. Ты оказался далеко от дома, попал на обед к королю, пережил страшные мучения. Тебя смущают титулы. Но представь что чувствую я, когда ты называешь меня «Высочеством»? Вспомни, ведь я сама представилась тебе просто по имени. Да, при слугах и придворных, ты должен называть меня официально, но сейчас... Джейк, мы же с тобой друзья.

—А ваш отец? Он же мне голову оторвет!

В этот момент для меня не существовало ничего, кроме Маришь и ее ласкового взгляда. Однако веселый смех короля вывел меня из прострации.

Я с ужасом втянул воздух, и посмотрел на короля с королевой. Те потешались надо мной, но я чувствовал, что это был не злой смех.

—Я осмелилась поговорить с королем и королевой по поводу тебя, Джейк, — Маришь глянула на родителей, и те согласно кивнули. —И мы сошлись во мнении, что раз уж наша семья спасла тебя, то ты для нас как новый член семьи. Мой отец, король, боролся за твою жизнь так, как если бы ты был его сыном. Джейк, пусть это не надолго, до того времени, пока ты не найдешь путь домой, но мы хотим что бы ты считал нас своей семьей. Ты всего лишь ребенок, оторванный от дома, от родителей, и тебе будет тяжело одному. Позволь нам стать твоей семьей.

Я ошарашено открыл рот, и медленно отстранился от девушки. Я чувствовал как сердце буквально рвется из груди, а в ушах зашумело. Что здесь происходит? Они что, хотят усыновить меня? Они что, с ума здесь посходили все что ли?

Маришь прикусила нижнюю губу, и опустила глаза. Я только сейчас заметил что на ней очень красивое платье цвета стали, расшитое серым жемчугом и тоненькими кружевами.

—Я понимаю, что мы не имеем права требовать от тебя такого. И если ты не примешь нашего предложения, то мы пойдем. Но все равно будем считать тебя одним из нас.

Я медленно поднялся со стула и, отгородившись спинкой, растерянно окинул взглядом столовую. Все слуги и охрана покинули столовую видимо еще до того момента, как они опоили меня этим соком росс. Наверное Маришь специально выгнала всех, готовя меня к этому разговору. Но зачем?

Что бы я согласился на усыновление, и...? Чего они этим хотят добиться?

Вцепившись в спинку стула, я до боли сжал пальцы. Маришь, справившаяся с собой, смотрела на меня, и я решил рискнуть. Поймав ее взгляд, я уже не позволил ей отвести глаз.

—Вы хотите, что бы я поменял своих родителей на вас, Маришь?

—Нет,— она с трудом покачала головой, и опустила взгляд. —Мы никогда не сможем заменить твою семью. Мой отец никогда не станет для тебя отцом, а королева не сможет заменить твою родную мать.

—Никогда?— я проглотил комок в горле. —Вы хотите сказать, что у меня нет шансов вернуться обратно?

Я чувствовал что у меня дрожит голос, но ничего не мог с собой поделать.

—Шанс есть,— король наконец вставил свое слово, и я весь переключился на него. —Но он слишком мал. Согласно теории вероятности, раз ты попал сюда, то ты можешь и вернуться обратно. Но так же, согласно теории равновесия, если ты попал сюда почти мертвым, то и в свой мир ты можешь вернуться так же, почти мертвым.

У меня отвисла челюсть от его слов. Теория вероятности? Теория равновесия? Что за чушь они вешают мне на уши?

—А теория того, что я вообще к вам попал, есть?— я уже не думал ни о титулах, ни о том, что разговариваю со старшими.

Король натянуто усмехнулся.

—Вот с этим вопросом нужно будет разобраться особо внимательно. Был ли поток событий, закономерен приведший тебя в колодец. Или это была простая случайность.

Я нервно заходил вдоль стола, и вдруг поймал себя на мысли, что высчитываю вероятность того, мог ли я не попасть в колодец. Чертыхнувшись, я снова сел за стол, и взяв сахарную булочку, и медленно жуя ее, попытался разложить все по полочкам. Эта семейка спасла мне жизнь, грохнув целое состояние. Теперь хотят что бы я стал их сыном. Согласно их словам, я все же могу вернуться обратно, хоть это и опасно. Возможно, они даже знают способ как это сделать. Но для чего тогда мне ждать полтора месяца, что бы попасть на этот совет? Если есть способ, то нужно воспользоваться им немедленно.

—А зачем мне вообще нужно на этот ваш Совет?— я даже не смотрел на короля с женщинами, но был уверен что они следят за каждым моим движением.

—Для того, что бы попасть в хранилище.

—А зачем мне в хранилище?— я отпил холодного молока. И даже не сразу обратил внимание, что оно имеет какой-то странный вкус. Молоко было явно не коровьим и не козьим. Однако очень похожим. А, черт с ним с этим молоком. Какая разница от какого оно животного?

Король откашлялся и откинувшись на стуле, заговорил тихим голосом.

—Есть легенда, согласно которой у одного из королей был амулет, поворачивающий время вспять. Он дважды успевал воспользоваться им, и избежать смерти. Но на третий раз не успел его запустить.

Я вздрогнул, и опрокинул содержимое бокала на стол.

—Отмотать полтора месяца назад?— я в ужасе смотрел на короля. Он что, серьезно думает, что я смогу еще раз, осознанно, пойти на ту боль и муки? Снова сломать всего себя и окунуться в колодец? Попасть в ужас черноты и безысходности? —Я не смогу!

—Нет,— Маришь сообщила о чем я подумал, и порывисто схватила меня за руку. —Отмотать время на столько, что бы ты смог преодолеть течение колодца.

Мурашки пробежали по коже, и я скрежетнул зубами.

—Я... простите меня, но мне кажется я не все понимаю. А нельзя прямо сейчас попасть в это хранилище, взять амулет и вернуть меня домой?

—Во-первых,— король Комоло поморщился. —Неизвестно, останешься ли ты во власти отмотанного времени, или нет. Есть два варианта — либо ты сохраняешь сознание и память, но твое тело и все вокруг откатывается обратно во времени — тогда тебе придется отмотать очень много времени назад, снова пережить все эти травмы. Либо ты можешь дальше подчинять свое тело внутреннему времени, в то время когда все вокруг тебя откатывается. Именно с этим вопросом и нужно предстать на Совете. К тому же, ты должен убедить

всех членов Совета в том, что амулет тебе необходим. Хранилище можно открыть только общим усилием всего Совета.

Я уловил сомнения в голосе короля, и вздернул брови.

—Но?..

—Это всего лишь легенда, Джейкоб. К тому же, если этот амулет и существует, то члены Совета представляют его важность и опасность. Убедить их дать его тебе и есть основная загвоздка.

—То есть, мне его не дадут, даже если он и есть.

—Я уверен на девяносто девять процентов, что так оно и будет.

—Тогда зачем мне ехать на Совет? Они все равно не откроют хранилище, и не дадут мне амулет, -я уже не сдерживался, и понял что перешел на крик. Недовольное ворчание за спиной привлекло мое внимание, и я резко обернулся. Хогард, которого я не заметил прежде возле двери, смотрел на меня с неодобрением. А он то что здесь делает?

—Успокойся, Джейкоб,— королева Фелиссити, все это время молчавшая, строго посмотрела на меня и я стушевался. - В хранилище можно попасть еще одним способом.

Я вопросительно посмотрел на женщину, но она тянула.

—Какой способ, ваше величество?— мягко спросил я, боясь спугнуть ее и не дать словам слететь с губ.

—В хранилище хранятся копии душ наследников всех престолов мира. Если мы признаем тебя наследником, то тебе будет необходимо спуститься в хранилище и пройти обряд

инициализации. Этот процесс занимает двое суток. У тебя будет время найти нужный амулет, пройти инициализацию и вернуться обратно.

—Что за амулеты копий душ? С меня что, сделают двойника?

—Не совсем. Просто с тебя сделают отпечаток души. Это делается для того, что бы в будущем, никто не смог посадить на трон самозванца. Эта инициализация проводится сразу после рождения, и достаточно просто привезти на Совет кровь наследника. Но так как ты уже не младенец, и не наследник по крови, то нужно провести полный обряд.

—Вы... вы хоть понимаете, что я не собираюсь оставаться здесь? Я ХОЧУ ДОМОЙ!!! Я не собираюсь становиться вашим... принцем!

—А мы и не заставляем тебя им становиться,— вдруг вскипел король, и вскочив, направился ко мне. —Мы будем рады, если ты сможешь вернуться домой!

Я чисто инстинктивно отступил на шаг назад от приближающегося короля, но оставался еще один вопрос, на который я хотел получить ответ любым способом.

—Но... Ваше Величество, почему именно я? У вас что, нет наследника? Маришь ваша дочь — она наследница. Зачем меня признавать вам наследником? Для чего вы спасли меня?

—Ты умирал.

—Я это уже понял. Но зачем вы спасли меня такой дорогой ценой? Что именно вам нужно от меня?

Король Комоло остановился, и я заметил такую боль в его глазах, что нехорошее предчувствие повисло в воздухе разве что не тенью.

—Я хочу, что бы ты принес мне копию души моего сына.

Вот тут то я замер. Встал как полный идиот с открытым ртом, недоверчиво пялясь на величественную особу монаршей крови, предлагающую мне совершить преступление.

—Что бы я выкрал для Вас амулет вашего сына?

—Да,— коротко ответил король, и отвернувшись, подошел к своей супруге. —Наш сын пропал пол года назад. Мы сделали запрос в Совет о его судьбе, и они сказали что он мертв. Амулеты гаснут, если наследник погибает. Но я не верю в это.

—Почему?

—Почему?— переспросил меня король, и с яростью посмотрел на меня. —Потому что они вернули мне не тот амулет, что был на моем сыне в момент инициализации! Если Рохард жив, то мы должны найти его.

—А я то тут причем?

Маришь сжала губы так, словно борясь со злыми словами, готовыми сорваться с языка. Король с королевой то же молчали.

—Вы можете выбрать любого верного вам человека из свиты, признать его наследником, и заслат в хранилище. Но я этого делать не буду,— я отвернулся, и направился к двери. Мне не хотелось больше ни находиться здесь, ни разговари-

вать с королями. Возможно, они говорили мне и правду, но вот их желание толкнуть меня на преступление – не шло ни в какие рамки. То же мне, нашли малолетнего преступника! Я уж как-нибудь сам доберусь до этого Совета и попытаюсь уговорить их отдать амулет времени.

–Джейкоб,– окликнул меня король, но я не обернулся.

–Мне надо подумать,– буркнул я, и, обойдя телохранителя, сам распахнул себе двери. Проклятье, что здесь происходит? Что за мир, в котором отпечатывают души, поворачивают время вспять, оживляют почти умерших людей? Что за мир, в котором та же мера длины и времени, что и в моем? Мир, в котором существуют и часы, и недели, и сутки. И как я научился их языку, будучи без сознания? И в конце-то концов, почему они спасли меня?

Я вернулся в ту комнату, куда привел меня Хогард переодеваться, и, не разуваясь, рухнул на постель. От всех этих раздумий разболелась голова, и было так паршиво на душе, что хотелось разреветься.

Не прошло и пол минуты, как в комнату не постучав вошел Хогард, и не сказав ни слова, встал возле двери.

–Зачем ты пришел?– тускло спросил я, отворачиваясь от телохранителя, не желая показать ему свои мокрые от слез глаза.

–Леди Маришь велела присматривать за тобой,– великан был недоволен.

–Ах да, я же им еще нужен для того, что бы обворовать

Совет,— не сдержался я и съязвил. -Вдруг я сбегу и расскажу кому-нибудь об этом.

Встав с кровати, я даже не сразу заметил как Хогард в ярости шагнул ко мне, и скинув туфли, стал стягивать камзол.

—Можешь не переживать. Я не собираюсь никому рассказывать о преступных планах Великого короля и его семьи.

Разбросав одежду с кровати, я замер, и повернулся к телохранителю. Он с трудом сдерживал гнев, стоя всего в пяти шагах от меня.

—Хогард, проваливай уже. Я спать хочу!

Больше ничего сказать я просто не успел. В следующую секунду он схватил меня за шиворот и так потрянул, что у меня клацнули зубы.

—Ты, мелкий недоразвитый тупица, осмелился спорить с королем! Ты, невежественный и невоспитанный, даже не поблагодарил принцессу за свое спасение. Ты ушел даже не спросив разрешения. Ты решил за короля о чем можно говорить, а о чем нет. Ты...

—Придурок, отпусти меня!— заорал я на него, пытаюсь вырваться и в бешенстве пиная его по ноге. -Я в жизни не общался с королями, и не желал этого. Вы заставили меня! Чего же ты то от меня хочешь?

—Тебе надо было либо соглашаться на все, либо молчать!

—Что?— я наконец смог вырваться, оставив часть воротника в кулаке телохранителя. -Соглашаться? Молчать? Да какого черта нужно было вообще тащить меня к королю? За-

чем нужно было спасать меня? Я хотел умереть, Хогард! Я просил Маришь убить меня! Зачем она спасла меня и вылечила? Я знал что не смогу выжить, и не хотел спасения. Нет, вы сделали так как вам захотелось, даже не спросив у меня а хочу ли этого я! Зачем меня заставляют стать наследником, когда все равно я не стану королем? Мое слово и решение для вас ничего не значат, а я не хочу быть вашей игрушкой.

Я орал как бешеный. Бросал в Хогарда все что попадалось под руку, не замечая что он просто уворачивается от тяжелых предметов, а легкие отбрасывает в сторону.

—Я уже ничего не понимаю из того, что творится вокруг,— продолжал орать я. —Здесь все переплетено с моим домом, и я как-то выучил ваш язык, но я не понимаю вас! Не понимаю!

Наверное, мои слова что-то все же дали Хогарду, потому что он вдруг расслабился, и злость стерлась с его лица.

—Я попрошу принцессу Маришь поговорить с тобой об этом мире, малыш. Возможно, в ее присутствии, ты будешь более сдержан.

—Я не ребенок!— снова заорал я, бросив в Хогарда последнюю подушку с кровати. —Ты сам сказал что я уже не ребенок!

Скорее всего, я просто ему надоел со своей истерикой. Странно, на мать с отцом она всегда действовала по-другому. Они оставляли меня одного, давая возможность успокоиться. А потом уже спокойно разговаривали. А тут...

Он снова схватил меня за шкирку, и оторвав от пола, на-

правился к большому зеркалу. Указав на наше отражение, он констатировал.

—Вот я — взрослый. А ты — ребенок! Невоспитанный, глупый ребенок, который не может ни вести себя прилично, ни позаботиться о себе, ни защититься. Да, у тебя есть и мозги, и какие-то способности, но ты не пытаешься ими пользоваться. Ты ведешь себя так, словно ты здесь пуп земли, а о последствиях своих слов и поступков — не думаешь!

—Я могу о себе позаботиться!— последние его слова вывели меня из себя даже больше чем то, что он держал меня за воротник. Я даже не понял когда потерял здравый рассудок от белой ярости.

Неимоверным усилием я дотянулся до ноги Хогарда и ударил его под колено. Когда тот покачнулся, ослабив хватку, я вывернулся ужом в его руках и повиснув на шее, со всей силой ударил затылком о его солнечное сплетение. Таких приемов не было в дзюдо, но однажды показанный другим прием, все же отложился в памяти для того, что бы сейчас помочь.

Я рухнул на пол вместе с Хогардом, хватаящимся за грудь, и сделав пару обманных захватов, зажал его шею ногами, а правую руку вывернул в болевом приеме. Все, он был обездвижен и больше ничего не мог мне сделать. Но и я ничего не мог. А сколько я смогу его вот так удерживать? Ну, возможно пол часа у меня будет, а потом он отомстит мне по полной.

Тряхнув головой, что бы избавиться от шума в ушах (все

таки удар головой не прошел даром), я услышал такие ругательные слова в свой адрес, что в первую секунду даже рот открыл, а потом сжал руку еще сильнее, и Хогард заткнулся. О, как я его понимал. Было мало похвального в том, что тебя свалил с ног какой-то там ребенок, а теперь держит так, что и пошевелиться лишний раз нет возможности.

—Что здесь происходит?— твердый голос над самой моей головой, заставил вздрогнуть и ослабить захват. Над нами стояла Маришь, и ее гневный взгляд согнал с моего лица весь румянец.

В ту же секунду, воспользовавшись моей растерянностью, Хогард сбросил меня и, взвившись на ноги, выхватил меч. За какую-то долю секунды до того, как холодный металл коснулся моего горла, я дернулся в сторону. Сам не понимая, как тело отреагировало на эту уже знакомую атаку, я пнул телохранителя по руке, посылая меч в дальний угол комнаты. Пальцы на ноге тут же отозвались адской болью, и я зашипел.

—Хогард!— Маришь строго смотрела на телохранителя. И я поморщился. Ее присутствие безумно мне мешало.

Однако, Хогарду явно было все равно, есть здесь кто еще или нет. Да, он видел принцессу, но и про меня ни на секунду не забывал. И просто схватив меня за лодыжку, вздернул в воздух. Сначала, признаюсь, я подумал что он бросит меня в стену, или хорошенько пнет по ребрам. Я даже попытался сгруппироваться, но в следующий момент телохранитель

почтительно склонил голову перед принцессой.

—Простите, ваше высочество,— он выпрямился, и бросил на меня выжидательный взгляд. Даже тряхнул меня, несильно. Но я все же коснулся затылком пола, и скрежетнув зубами, постарался придать голосу самые жизнерадостные нотки, на которые можно только быть способным, висая вниз головой.

—Простите, принцесса,— я улыбнулся и подсунул руку между полом и головой. —Черт, Хогард, отпусти меня! Я же только что поел!

Спасибо тебе большое, великан всемогущий, за то, что швырнул меня слишком сильно на кровать! Шлепнувшись о перину, я кубарем слетел с этого высокого сооружения, и влетел отбитой ногой прямо в стену.

Ругаясь на чем свет стоит, я стал растирать пальцы на ноге, и вдруг увидел рядом с собой Маришь. Она так быстро подбежала ко мне, что я испуганно шарахнулся.

—С тобой все в порядке?

Я согласно закивал головой, стараясь спрятать рукой враз посиневший пальцы. А у самого в голове крутилась одна мысль — там, в ванной, все еще должна быть живая вода. Сколько ей времени потребуется что бы свести синяки? Эх, бедная моя правая нога. То нож в коленку, то кости в порошок, то вот теперь, отбитые пальцы. Красота!

Маришь порывисто отстранила мою руку, и со стоном села на пол.

—Хогард, ну ты то, взрослый человек.

Признаюсь, я противился ей. Отстранял ее руки от своей ноги, заверяя что все пройдет само, но она меня не слушала. Отослала Хогарда за какой-то там мазью, и убедилась что я не сломал ни одного пальца.

—Хогард, ты вообще думал, что Джейк всего лишь ребенок!

—Милорд пытался доказать что он... взрослый. Если бы вы не появились...

—Я не ребенок!— прошипел я, и забрав у девушки мазь, сам намазал зашибленные пальцы. Не хватало еще что бы принцесса занималась моими ногами!

—Ну что ж, раз уж вы такой взрослый, молодой человек,— Маришь поднялась и расправила складки платья. —Тогда приведите себя в порядок и следуйте за мной. Папа хочет с вами поговорить в более спокойной обстановке.

—Маришь,— я вздохнул, и отметив что нога совершенно перестала болеть, поднялся. —Я уже сказал королю, что не буду красть амулет твоего брата. Я не вор.

Она окинула меня взглядом, таким испытывающим и неприятным, что я опустил глаза.

—Мы поняли это. И рады что ты настоял на своем. Если бы ты вот так просто согласился пойти на преступление, выкрасть копию души королевской семьи, прости, но тогда ты остался бы просто вором. Именно это и отличает тебя от всех. Ну скажи, кто бы смог отказать королю, даже в таком

преступлении?

—Он не мой король,— я отвернулся, и желая отвлечься, поднял с пола одну из сорочек. Зубами оторвал от нее кружева и даже не взглянул на протянутый нож Хогарда.

—Хогард, выйди пожалуйста. И проследи, что бы нас никто не мог подслушать,— меня немного поразил этот приказ принцессы. Когда за телохранителем закрылась дверь, Маришь подошла ко мне, и обняв за плечи, подтолкнула к дивану. —Джейк, я чувствую, что ты зол на меня,— начала она тихо, все еще не отпуская меня из объятий. —И на моего отца. Прости, что мы предложили тебе этот авантюрный план. Признаюсь честно, мы все же надеялись что ты согласишься пойти на это. Мы не думали, что ты откажешься так сразу.

—Маришь,— ком застрял в горле, и я с ужасом понял, что еще чуть-чуть, и разревусь. —Зачем ты спасла меня? —я закрыл глаза, и слезы тут же потекли по щекам. Но я все же сдержался от истерики и всхлипываний, лишь до боли сжал челюсти. —Я просил тебя убить меня. Почему ты не сделала это? Мне больно! Вот здесь,— я лихорадочно постучал кулаком по груди.

—Я не могла,— она поправила выбившиеся у меня из хвоста волосы, и стерла пальцем слезу, замершую на щеке. —Когда мы увидели как ты вылетел из колодца, то... Хогард сказал что давно не было у нас гостей. На самом деле к нам попадают утопленники всего пару раз в год. Иногда реже. Последние пару десятков лет так вообще никого. И тут появля-

ешься ты. Что бы ты не пошел на дно, я велела барралу вытянуть тебя на берег, ожидая увидеть труп, но... Баралл сразу почувствовал что в тебе еще есть жизнь, и нам пришлось убить его.

—Кто такой баралл?— я внимательно слушал Маришь, впервые слыша о своем спасении.

—Это... ездовое животное,— удивленно ответила Маришь, скорее чисто машинально ответив на мой вопрос. —У вас таких нет?

—На что они похожи?— я все еще не открывал глаз, представляя слова принцессы в своем воображении.

—Эм... а ящерицы есть у вас?

—Да.

—Баралл — это большая ящерица. Она ослепляет ядом жертву, и съедает ее живьем. Идет на этот яд как на маяк.

Я поморщился, и тут вспомнил слова Хогарда.

—Черный яд. Так вот почему я ничего не видел.

—Да. И он очень опасен. С последствиями не в силах справиться даже живая вода. Если бы под рукой не оказалось лизунов, то ты бы остался слепым на всю жизнь. Они питаются всякими ядами и отходами. Там, у колодца, их очень много.

Воспоминания о липкой и мерзкой твари на глазах, чуть не вывернуло меня на изнанку. Я поежился.

—Что было дальше?

—Мы откачали тебя. Я видела что ты всего лишь ребенок.

—Маришь, я не ребенок,— покачал я головой, упершись

локтями в колени, и запустив пальцы в волосы. Боже, как же больно вспоминать о той боли.

—Но я видела перед собой ребенка, раненного, всего в крови. Я чувствовала что ты не хочешь жить,— она всхлипнула, но тут же взяла себя в руки. —Джейк, пол года назад пропал мой брат. Он был чуть младше тебя. Ребенок. Родители уделяли ему внимание, но их положение не давало столько времени, что бы быть всегда с ним. Я растила Рохарда, души в нем не чаяла, и когда он пропал -винила себя в этом. Неужели ты думаешь, что я смогла бы после этого убить ребенка? Беззащитного, раненного, пусть и чужого.

—Но ты видела мои раны, Маришь. Ты же не могла не знать, что с такими травмами не живут.

Девушка замолчала, и отвернулась.

—Хогард сказал так же. И еще двое телохранителей, что были с нами. Но я не могла дать тебе умереть. Называй это как хочешь, жалостью, материнским инстинктом. Хогард сказал что ты умрешь от травмы головы, но я видела, что ты в сознании и твой взгляд... он был осмыслен. Не тупой, как у сумасшедшего. Что ты разбит не только снаружи, но и внутри, да. Но и от этого ты не сходил с ума. Люди начинают вести себя по другому, когда смерть касается их, Джейк. Мы принесли тебя во дворец, и я упростила папу помочь.

—Знаешь, твой отец не похож на того, кто может сжалиться над первым попавшимся ребенком.

Маришь поморщилась, и поднялась.

—Я почти сутки была с тобой в ментальной связи, Джейк. Он понял что я тебя не отпущу, и скорей сгорю, чем сдамся. Я поила тебя живой водой, поддерживая жизнь, но этого было мало... У него не было другого выхода.

Я открыл рот и посмотрел на девушку.

—Чего? Какой связи?

—Ментальной. Поэтому ты и научился нашему языку,— она повела плечами. —И судя по тому, что я от тебя слышала, я не всегда была сдержанной.

—То есть, ты шантажировала короля,— усмехнулся я, и покачал головой.

—Джейк, я не могла дать тебе умереть. И поверь, в тот момент я даже не думала использовать тебя в пользу королевства. Просто отец заметил что я ношусь с тобой как с Рохардом, и сказал что ты не заменишь нам принца. Слово за слово... так и пришло на ум папе, заслать тебя на Совет. Мы посчитали, что ты все равно будешь рваться домой, и попав в хранилище Совета, можешь заодно и проверить амулет Рохарда.

—То есть, я могу просто посмотреть амулет, и сказать, светится он или нет?

—Было бы лучше, если ты принесешь его. Но мы согласны поверить тебе на слово, если ты найдешь и просто проверишь его.

—А если Рохард, -я с трудом выговорил имя пропавшего сына короля. -На самом деле мертв?

—Я в это не верю,— сквозь зубы прошептала Маришь. —Если бы его хотели убить, то они не стали бы его красть.

Вздохнув, я все же встал, и поднял с пола рубашку. Отрывая кружева, я и не заметил, что по сути, они делали ее праздничной и нарядной. Сейчас же, она походила на обноски какого-то бомжа.

—Слушай, Маришь, а можно мне подобрать что-нибудь из одежды... без этого безобразия? А то я чувствую себя варваром,— я стянул разорванную сорочку, и отшвырнув ее в сторону, стал одеваться. Так, черная сорочка, камзол, туфли. Вроде все.

Все же я растрепал волосы и не стал собирать их. Нужно будет отстричь их и не париться.

Пока мы шли к королю, я буквально завалил девушку вопросами, на которые она старалась ответить, но порой, смотрела на меня как на полного кретина, и не могла объяснить элементарного.

Нас ждали в большом кабинете, который я скорей бы назвал библиотекой. В нем находилось такое большое количество книг, что мне не хватило бы жизни прочесть их все. Все в дорогих кожаных переплетах, расписанных золотыми узорами, иногда с драгоценными камнями в корочках. Его величество сидел за большим столом, и жестом отослав всех слуг и стражу, вопросительно глянул на дочь. Ох, как мне не понравился этот взгляд. Словно спрашивал доченьку: «Ну что, промыла мозги этому недомерку?»

Я поежился, и не дождавшись разрешения, рухнул в кресло у камина. Ну и что, я – обиженный ребенок, которого заставляют сделать плохое дело! Они хотели что бы я вел себя с ними так, как если бы я разговаривал со своими родителями – пожалуйста, получайте.

Обиженно глядя в пол, я молчал минут пять, пока его величество сам не заговорил со мной.

–Ты поможешь нам, Джейк? -он оказывается уже стоял надо мной, и как-то устало пытался поймать мой взгляд.

–Я не буду воровать,– твердо прошептал я, и все же позволил ему поймать мой решительный взгляд.

–Но ты украдешь амулет времени. Это то же кража.

–Да. Но это я сделаю сам и только для себя. Это будет только моя вина. Я постараюсь найти амулет Рохарда, если он все еще там. А потом расскажу вам.

Мои слова явно не понравились королю, и он нехотя кивнул.

–Только вот, где гарантия того, что вы поверите мне на слово,– задумчиво продолжил я. -И как я узнаю амулет вашего сына?

–Мы об этом подумаем чуть позже. Это все сложно, но возможно,– король отмахнулся рукой, и сел в кресло напротив. Я видел, что его мучает еще один вопрос, но он не знает как к нему подступить.

–А что будет со мной, если Рохард на самом деле мертв? А я... не смогу вернуться домой.

—Ты останешься здесь,— король непонимающе уставился на меня.

—Я не собираюсь быть полноправным наследником на ваше место, ваше величество.

—Но...

—Нет! У вас есть дочь, вот и выдайте ее замуж за достойного человека. Пусть ее муж будет вашим наследником, а я на такое не согласен. Я пойду на весь этот обман, но вы должны заверить меня, что потом не будите принуждать к... как это у вас называется?.. к трону. Принятие этого титула должно быть чисто формальным, и только для того, что бы я смог попасть на Совет.

Король кивнул, но снова поморщился.

—Раз ты настаиваешь, то мне придется назвать тебя своим незаконнорожденным сыном. Тогда у тебя будет возможность отказаться от титула. Если я просто признаю тебя наследником, то все будет немного сложнее.

Видя мое непонимание, он объяснил. Оказывается, если бы я был обычным человеком из толпы, которого назвали наследником, то у меня не было бы права отказаться. Король в здравом уме решил, что избранник достоин. И тот обязан подчиниться. Или скрыться. Но если я буду его незаконнорожденным сыном — то у меня появится право выбора. Наверное, именно поэтому, он собирался принять этот малость позорный, но ответственный шаг. Да, не каждый сможет признать, что нагулял на стороне сына, а потом еще и посадить

его на престол.

Меня успокаивало еще и то, что рядом с законной дочерью короля, то же наследницей, я явно проигрывал.

—Простите, ваше величество, но вы и правда готовы официально признать меня своим незаконнорожденным сыном? Это же бросить на вас тень. А королева? Это оскорбит ее!

Вот тут я удивился. И Маришь, и его величество, весело рассмеялись.

—Простите, я что-то сказал не то?

—Джейк, как ты думаешь, сколько королеве лет?— король с интересом смотрел на меня, ожидая ответа.

Я прикинул. Королева была где-то маминого возраста, может даже чуть моложе.

—Лет тридцать. Может чуть больше,— я повел плечами. А потом до меня дошло. Маришь не могла быть дочерью королевы! Она была слишком взрослой.

—У них разница всего пять лет. Фелиссити моя вторая жена, Джейк. Мы в браке тринадцать лет, а тебе четырнадцать.

Я чувствовал себя полным кретином.

Король хлопнул себя по коленке, и резко поднявшись, вернулся к столу.

—Так, значит решено. Завтра я представлю тебя ко двору...

—Папа,— Маришь положила мне на плечо руку, и я доверчиво прижался к ней щекой. Боже, что же делает со мной эта женщина?— Джейку надо немного осмотреться для начала.

Узнать кое-какие тонкости поведения при дворе, узнать хотя бы как выглядит наш мир. Я считаю что пару недель ему хватит на то, что бы свыкнутся и не смотреть на всех как на чудо природы. И еще ему надо не просто титул наследника, но и имя, людей, небольшую провинцию, для формальности. Ведь если ты признаешь его сыном, то должен вроде как осыпать его подарками.

—Да, ты права.

Я молчал и не верил своим ушам. Мне дадут своих людей? Провинцию?

—Я думал, что смогу просто пока пожить здесь,— прошептал я девушке, но та поморщилась.

—А если ты не сможешь вернуться и откажешься от престола? Да, ты можешь остаться здесь, и я, признаюсь честно, буду этому рада. Но сам ты сможешь всю жизнь прожить при дворе? Лучше пусть у тебя будет такое место, куда ты сможешь в любой момент сбежать от этикета и придворной суеты.

Ну, вроде бы она говорит правильные слова.

—Но мне всего четырнадцать!— запоздало спохватился я.

—Ха. У нас есть бароны и помладше,— король открыл на стене большое панно и я впервые увидел карту этого мира. Точнее, карту именно этого королевства, столицей которого являлся Догран. Меня поразило как легко я вспомнил это название, но тут же отбросил все из головы.

—На много?— невинно спросил я, высказывая своим тоном

полное недоверие его словам. Ой, чувствую я что меня вытягивают в какие-то совсем не веселые делишки.

—Барон Джиат принял титул в одиннадцать.

Маришь подошла к карте, и поманила меня к себе. С неохотой, я все же поднялся и встал рядом. Черт, принцесса выше меня на пол головы, а король не уступал Хогарду. Да мне, как самому маленькому человеку в королевстве, надо дать самый маленький кусок земли... для формальности.

—Наше королевство называется Катарактарум,— начал король, обводя область на карте, усеянную горами и реками так густо, что мне это не очень понравилось. —Еще нас называют королевством водопадов. Догран уже несколько тысячелетий стоит на горе Фата-Бене, и является в некотором роде охраной колодцев.

Вот, именно про колодец я и хотел узнать как можно больше.

—Расскажите мне про колодец, ваше величество. Мне кажется, если уж я попал через него к вам, то имею полное право знать как это случилось.

Господи, ну что я за человек? Схватил руку короля и сжимаю ее как ребенок. Ну и черт с ним, со смущением. Ведь он сам хочет что бы я вроде как считал его отцом.

Король же только улыбнулся, и, полистав несколько страниц на панно, открыл мне странную схему. Несколько горизонтальных полос, не пересекающихся и не искривленных, сверху вниз пробивало нечто вроде воронки.

—Это теория существования параллельных миров. Заметь, только теория. Согласно ей, существует очень много миров, но они словно листы бумаги в стопке, лежат друг на друге. А колодец прорезает их насквозь. Из мира в мир можно попасть, но что бы попасть из вот этого,— он указал мне на самую верхнюю полосу, а потом указал на самую нижнюю. —В этот мир, нужно пройти все миры между ними.

—То есть, из моего мира колодец может привести только к вам, а из вашего — только в один определенный мир?

—Да,— король кивнул.

—А куда ведет ваш мир? Вы бывали в том, втором мире?

—Нет. Его местоположение скрыто от всего живого. Если бы кто-то узнал о том, что у него есть путь в другой мир, то туда бы началось паломничество.

—Но я то узнал место колодца! И залез в него!

—Мы хотели бы узнать, как ты вычислил его, Джейк,— Маришь смотрела на меня немигающим взглядом, и я поежился. —Было ли твое появление у нас чем-то предначертанным, чему способствовал поток определенных событий. Или это была чистая случайность. Как ты узнал о колодце?

—Да я и не знал что это колодец,— пожал я плечами, отходя от карт. —Увидел свет в воде и решил проверить.

—Просто увидел свет? И никто кроме тебя его не видел?

Я задумался, и сел в кресло. И правда, почему кроме меня никто не видел этот свет? Почему никто не исследовал эти места?

— Расскажи о тех событиях, которые привели тебя к колодезю, — Маришь села на подлокотник моего кресла, и взяла за руку. О, Маришь, зачем ты напомнила мне о доме, о маме?

— И о моем мире вы то же хотите узнать все?

— Мы не будем тебя заставлять рассказывать о нем, против твоей воли. Ты сам, со временем, понемногу, но утолишь наше любопытство. Но расскажи как ты узнал о колодеце. Как ты вообще выжил в нем? У нас зарегистрировано более пяти сот случаев проникновения в наш мир из твоего. И все люди были мертвы. Мертвы еще до того, как разбились о воду.

— Ну, меня спас акваланг. Если бы не он, то я бы захлебнулся.

— Аква... что?

— А, ну это такая штука, которая позволяет дышать под водой. Понимаете, колодец в моем мире находится на глубине почти двадцати метров под водой. Плюс, приблизительно километр туннеля, наполненного водой. Да любой захлебнется, прежде чем попасть к вам. Только... у нас была вода соленая, а здесь, я хорошо это запомнил, она оказалась пресной.

Видя непонимающие взгляды, я решил пойти по порядку.

— Давайте я расскажу вам все с начала.

Вспоминать о родителях, и их разговоре, оказалось самым тяжелым. О словах отца, и пустом взгляде мамы, о том что заставило меня броситься на берег, когда на море бушевал шторм, я рассказывал так подробно, как только мог вспом-

нить.

Поймав себя на том, что от тоски и боли воспоминаний, молча плачу, я отвернулся, но продолжал. Ни Маришь, ни король, ни разу меня не перебили. Они просто превратились в молчаливых слушателей.

Когда я дошел до обнаружения преграды между мирами, я замолчал, тяжело сглотнув. То ли на меня до сих пор действовал сок росс, то ли дальнейшие воспоминания о боли стерлись, но ужас туннеля уже не казался таким страшным. Да, это был кошмар, которого никому не пожелаешь, но он уже прошел.

Я продолжил рассказывать, вспоминая как разбился фонарик и поранил руку об острый камень. Как перерезал трос.

—А потом меня выбросило из туннеля, и я врезался в воду,— вздохнул я и только сейчас открыл глаза. На меня смотрел хмурый король, какой-то усталый и словно постаревший. И Маришь, бледная и испуганная.

—Значит, если бы ты не узнал что твои родители поругались, то не пошел бы к обрыву?

—Да.

—И часто ты убегал от них, когда они ругались?

—Да они вообще прежде не ругались... так.

—Но тебя ничто не заставляло лезть в воду. Зачем ты полез?

—А вы бы не захотели узнать что это за свет вдруг загорелся в воде, а потом пропал?— удивился я.

—Я бы рассказал своим людям и отправил их проверить все,— король явно не понимал меня.

—А я кому должен был рассказывать? Это опасные воды, и никто бы туда не полез, даже если бы поверили моим словам. Да они вообще не приняли бы мои слова всерьез, ведь я всего лишь мальчишка!

Маришь же думала немного о другом.

—А как ты собираешься вернуться обратно? Ладно, мы повернем время вспять. Значит, вода в туннеле либо замрет, либо начнет течь обратно. Но ведь ты говорил что длинна туннеля километр.

Вот я болван! О самом важном то я и не подумал. Если амулет не сможет отмотать полтора месяца назад, а всего лишь пустит время вспять, то мне придется залезть в туннель.

—Боже,— я обреченно схватился за голову. —Ну ведь должен быть способ!

Баллоны явно уже разрядились, и на них нет смысла даже надеяться. Ведь их никто не перекрыл. А заправить их кислородом в этом мире, я не видел возможности. Если все что я видел правда, то этот мир сейчас находился в самом расцвете эпохи вассалов и примитивных технологических прогрессов. Да они понятия не имеют что такое технология сжатия воздуха под высоким давлением!

—А твой аква...?

—Акваланг? Увы, он уже не поможет. Я должен найти спо-

соб дышать под водой хотя бы в течение полчаса.

—Это сложно, но думаю что возможно,— отмахнулась от меня Маришь. —Что если в туннеле есть ответвления?

Вай, они что, решили доконать меня?

—Слушай, Маришь, давай не будем меня пугать раньше времени,— я вытер лицо, и растер затекшую ногу. Странно, эта мазь, что дала мне Маришь, парализовала нервы что ли? —Для начала нужно убедиться что этот амулет вообще существует.

Девушка неуверенно кивнула.

—Тогда, продолжим о нашем новом лорде Джейкобе,— король неуверенно смотрел на карту своего королевства.

О, я уже стал лордом!

—А просто бароном никак нельзя?— я невинно посмотрел на его величество, ляпнув первое что пришло в голову. Какой к черту барон? С чего я вообще взял что они здесь есть? Хотя, король вроде говорил про какого-то молодого аристократа. Но я не помню кем он его назвал. Бароном? Или кем то еще?

—Можно, но не солидно для наследника престола. Есть у нас тут одна область, которую я уже давно пора объединить. Формально, над вот этими баронствами,— он обвел пальцем одну из гор, с двумя десятками ограниченных территорий.— Еще при моем отце, был назначен лорд Клеймор. Кстати, он был одним из самых деятельных людей в королевстве. Его земли процветали как никогда и нигде. Но, к сожалению, он

не оставил наследника, и на его место никто не претендовал. Он умер семь лет назад. Сейчас все эти бароны отчитываются у моего секретаря, и то, что нам приходится иметь дело не с одним лордом, а с двумя десятками баронов, мне не нравится. Поставлю ка я тебя на место этого лорда.

Так, значит бароны все таки есть! Ну, хоть не совсем смотрюсь идиотом в чужих глазах, и то радуется.

—Вы хотите, что бы эти двадцать баронов?... Ну уж нет! Они же порвут меня, только увидев. Я же еще ребенок! Какой дурак согласится подчиниться малолетке?

—Они подчинятся воле короля. А за место себя, ты можешь отправить управляющего. Мы подберем тебе нужного человека.

Я содрогнулся от перспективы стать властителем над взрослыми, самостоятельными людьми.

—Никто не посмеет и слова сказать наследнику престола, Джейк.

—Спасибо,— пискнул я, выпуская все негодование и недоверие.

—Съездишь туда разок, а потом вернешься во дворец. Это не займет больше недели.

—Ай. Делайте как считаете нужным,— махнул я рукой на короля, и поймал полный ужаса взгляд стоящего у двери Хогарда. Здравсти, а он то что тут делает?

Пока Маришь с королем обсуждали планы по поводу меня, я засунул руки в карман и рассматривал корешки книг.

Буквы, больше похожие на какие-то иероглифы, были мне совершенно не знакомы, и я осмелев, достал первый попавшийся том, и открыл наугад. Так и есть, читать по здешнему меня не научили. Я полистал несколько страниц, и замер. Иллюстрация на весь лист, цветная и будто бы живая. Черный волк на закате солнца, сидел возле маленького неказистого человечка. Гном что ли? Или это волк такой огромный? Я заметил даже что на волке было седло, а на лапах, что-то вроде мокасин.

—Маришь,— я подбежал к девушке, и ткнул пальцем в книгу. —Это что?

—Фарг с волком,— повела плечами девушка, и заметив мою растерянность, глянула на переплет. —А, очень интересная книга для тебя. Здесь описываются жители нашего мира, их устои и религии. Почитай на досуге, если хочешь. Кого-то ты можешь увидеть на приеме в честь тебя.

Я стал листать страницы дальше, отойдя к Хогарду.

Следующая картинка вообще чуть не парализовала меня. Кентавры! Дальше — самый настоящий эльф с длинным луком, а рядом с ним самая обычная лошадь.

—Хогард, это кто?— я ткнул в эльфа.

—Эльф,— прошептал мне Хогард, не шелохнувшись. —Сам прочитай.

—Я не умею,— так же тихо прошептал я, прижимая книгу к груди, и косясь на удивленно раскрывшего рот телохранителя.

—Что-то не так, Джейк?— Маришь с интересом рассматривала мою сконфуженную физиономию. Что же, она думает я признаюсь ей что не могу прочесть ни одного слова?

Нацепив на лицо самую невинную улыбку, я закрыл книгу.

—Все в порядке, ваше высочество. Просто картинки в этой книге изображены так искусно, что я был поражен. Могу я взять ее с собой. И полистать в свободное время?

—Да,— неуверенно кивнула принцесса, не поверив ни единому моему слову.

—Мы решили, что от ныне тебя будут звать Лорд Джейкоб Клеймор.

—А можно просто Джейк? Это будет не так длинно.

—Лорд граф Джейкоб Клеймор,— король кивнул, и что то быстро написал на бумаге большим пером. —Через две недели тебя представят ко двору. Съездишь в графство, а потом начнешь собираться на Совет.

—Благодарю, ваше величество,— я отвесил глубокий поклон, и улыбнулся.

Король расхохотался.

—Все. Иди. За тобой пришлют, когда нужно будет,— король кивнул Хогарду, и тот учтиво (ой, достанется мне однако за его учтивость) распахнул передо мной двери.

—И что теперь?— спросил я у великана, застывшего у меня за спиной.

—Что, милорд? —Хогард невозмутимо смотрел на меня.

—Ой, кончай, Хогард. И без тебя тошно,— я огляделся, ожидая что меня вот прямо сейчас потащат учить кланяться и разговаривать с аристократами. —Я спрашиваю, что теперь у нас по плану? Учеба, отдых, ознакомление с миром. Чего делать будем?

—Ну, кто-то совсем недавно собирался отдохнуть,— весело отозвался великан, и я его передразнил.

—Да, мне не помешало бы пару часиков поспать. Голова совсем разболелась.

К моему великому удивлению, он повел меня не в мою спальню, а куда-то совершенно в другую сторону дворца. Уже не обращая внимания на удивленных слуг, я плелся рядом, все еще сжимая под мышкой тяжеленную книгу.

Мои новые покои располагались, как объяснил Хогард, рядом с семейным крылом короля, и были раз в пять больше прежних. Возле каждой из дверей стояли слуги, и были готовы раздеть меня и уложить в постель чуть ли не на руках. Отмахиваясь от них, я сам разделся, и опустив полог на кровати, уткнулся лицом в подушку. Боже, как я хочу проснуться и оказаться дома. Что бы все это оказалось одним длинным и страшным сном. С такими мечтами я зарылся в мягкое пушистое одеяло, тут же провалившись в сон.

Меня разбудил шепот рядом с моей кроватью.

—Ты уверен что видел его здесь?

—Да. Если этот новый лорд увидит его, можно сразу вешаться,— кто-то заглянул под кровать, и выругавшись, по-

полз по полу.

Я честно постарался отрешиться от происходящего, и снова уснуть, но увы. Эти шорохи, шепот, и передвижение мебели, выводили меня из себя, и я резко распахнул балдахин.

—Что вы тут делаете?— в ярости я постарался поправить взлохмаченные волосы, но страх в глазах слуг остановил меня.

—Простите, милорд,— они чуть ли не лбом бились в пол, отползая к двери.

—Стоять,— я протянул руку к углу, где бросал свою одежду, и тут же удивленно ее отдернул. Там лежал длинный черный халат, подбитый коротким мехом наподобие норки. И никаких бантиков или кружев. Что ж, если именно так я должен одеваться после сна, и это не противоречит моим словам о моде в моем мире, то почему бы и нет. —Что вы искали?

Накинув халат, я встал над слугами, и приподнял одну бровь.

—Я жду!

—Простите, милорд. Животное принца Рохарда снова сбегало из вольера. Я видел как он нырнул в дверь,— один из слуг так сжался, что казалось еще миг, и он сломается.

—Животное? Какое?

Вот с кем с кем, а с животными я всегда находил общий язык.

—Хорек, милорд. Вальдемар. Простите, милорд, мы...

Мы увидели его все разом. Он нырнул в мою кровать, и тут же скрылся в складках одеяла.

—Он опасен?— я уже шел к кровати, прикидывая, смогу ли выманить хорька.

—Нет, милорд. Вальдемар не бросается на людей. Но он может украсть что-нибудь. Его надо поймать и посадить обратно в вольер.

Я сел на кровать и тряхнул одеяло. Тут же на меня уставилась разукрашенная мордочка с характерными «очками», и настороженно замерла.

—Вальди,— позвал я хорька и протянул руку. Тут же это юркое создание смело подбежало, обнюхало руку, выразительно чихнуло и залезло на ноги. За несколько секунд оно проверило и мои уши, волосы, что у меня есть за пазухой и нет ли у меня карманов. Я рассмеялся, беря хорька за шкуру. —Какой он шустрый... и вонючий. Помойте его что ли.

Я отдал обиженного Вальдемара слугам, и те, нижайше кланяясь, ушли. Что ж, раз уж поспать мне не удалось, то возможно я наконец смогу посмотреть что вообще творится за стенами дворца. Должно быть королевство водопадов на самом деле выглядит сногшибательно, если уж имеет такое красивое название как Катарактарум.

Я обыскал всю комнату, в надежде найти хоть какую-то одежду, и с разочарованием, близким к бешенству, выскочил в коридор. Ага, если я ожидал увидеть обычный коридор, то я слишком заблуждался. Большая гостиная, в которой я ока-

зался, напоминала гостиничный номер из какого-нибудь голливудского фильма. А возле дверей, словно застывшие статуи, стояли стражники. Странно, неужели я был так занят самокопанием в себе, что не обратил на это никакого внимания в прошлый раз?

Хогарда не было.

—Где Хогард?— я нагло посмотрел на одного из стражников, разве что не сложив руки на груди.

—На стрельбище, милорд.

Этот верзила не пошевелился даже, лишь скосил глаза в мою сторону. Точнее, скосил глаза вниз, потому что он был даже выше Хогарда.

—Ладно,— я понял что на телохранителя можно в данный момент не рассчитывать. —А принцесса Маришь? Где она?

—Не могу знать, милорд.

Я обреченно застонал, и вернувшись в комнату, со злостью захлопнул дверь.

—Проклятье!— я снова обыскал всю комнату, и все таки наткнулся на искусно замаскированную дверь. Та открылась от легкого нажатия, и я замер с открытым ртом.

Комната, нисколько не уступающая той, в которой я отдыхал, была заставлена манекенами, и на каждом из них был свой наряд. Я подошел к первому попавшемуся, и удивленно ахнул. Все наряды были моего размера. Ну, может чуть больше, но совсем малость. И судя по количеству, на все случаи жизни.

Меня привлек роскошный белый костюм, со строгой стоечкой воротника, без кружев и рюшичек. Полы пиджака достигали колен, а на талии сводились широким поясом. Стандартные, для моего мира, не расширенные рукава с золотыми пуговицами на манжетах. Тонкая золотая вышивка по низу и вдоль золоченых пуговиц до самого горла. Длинные, до пола брюки, и начищенные до блеска белые сапоги, с маленькими шпорами и золочеными пряжками. Все в этом костюме было строгим и не слишком броским, но как же он мне понравился. Захотелось прямо сейчас в него одеться и посмотреть на себя в зеркало.

—Это парадный костюм лорда, милорд,— мягкий старческий голос за спиной заставил резко обернуться. В трех шагах от меня стоял крепкий старичок лет шестидесяти, и почтительно кланялся. —Меня зовут Буше, милорд. Я ваш камердинер.

—Камердинер?— я упорно пытался вспомнить что значит это слово, и, потерпев фиаско, развел руками. —И что вы будете делать? Простите, но я не знаю ваших обязанностей.

—Его величество велел научить вас всему, что необходимо знать лорду, милорд. Я буду сопровождать вас на прогулки, помогать одеться, объясню правила этикета, и...

—Все, я понял,— я замахал руками. —Мой персональный учитель и помощник.

—Да, милорд,— Буше снова поклонился.

—Прошу вас, перестаньте кланяться. И называть меня ми-

лордом. Меня зовут Джейк.

—Милорд?— старик был готов упасть в обморок от моих слов. —Я последние пол года служил принцу Рохарду, и теперь вам, наследнику его величества, и я не могу просто называть вас по имени.

—Но меня же еще не объявили наследником,— я заговорщически улыбнулся, и сник, увидев непреклонность старика. —Что ж, мистер Буше, тогда хотя бы не кланяйтесь мне так часто. Ну не могу я смотреть, как вы в свои года сгибаетесь в поклоне.

Старичок похвально кивнул головой, и улыбнулся.

—Милорд желает осмотреть свой гардероб?

—Ага, желаю.

Я показал на парадный костюм лорда, а потом обвел рукой всю комнату.

—Все эти костюмы для меня?

—Да, милорд. Портные сейчас исправляют некоторые детали костюмов, согласно вашему требованию, но, думаю, к вечеру они закончат.

—Исправляют? А чья эта одежда была прежде?

—Весь гардероб готовился для принца Рохарда, но, увы, он не успел примерить ни одного из них.

Я вспомнил, что Маришь говорила про младшего брата. Ему ведь было всего двенадцать. Кто же осмелился похитить ребенка? И зачем?

—Расскажите мне про Рохарда,— попросил я, направляясь

вглубь гардеробной. Однако камердинер не спешил выполнить мою просьбу и рассказать о прежнем своем подопечном.

Я же продолжал ощупывать, осматривать одежду. Несколько довольно яркой расцветки костюмов для прогулок, различные костюмы для верховой езды и фехтования, для приемов и обедов. Простых домашних комплектов одежды, халаты и, о Боже, с десятков рыцарских доспехов. Самых настоящих доспехов, какие я видел в журналах нашего мира.

—Это доспехи для парада войск в честь короля. Эти для смотра войск. Эти для...

Я отмахнулся от Буше, вертя в руках тяжелый шлем.

—И Рохард их все носил?

—Нет, милорд,— покачал головой старик, и я заметил блеск в его глазах. —Молодой принц пропал еще до того, как был введен в высшее общество. Если бы его не похитили, то этим летом мы посадили бы его на трон рядом с отцом.

—Значит, его похитили для того, что бы лишить короля наследника?

—Мы то же так считаем. Именно по этому, вас везде будет сопровождать охрана.

—Хогард именно по этому не оставляет меня в покое?

—Да, милорд. Сейчас он занимается тем, что бы отобрать в ваш эскорт еще несколько человек.

—А ему не проще будет научить меня самому защищаться? Старик задумался, и согласно кивнул головой.

—Это было бы не плохо, милорд. Но у вас всего две недели до официального представления. За это время он сможет вас научить разве что правильно держать меч в руках.

Я чуть не съязвил в ответ. Не такой уж я и далекий, что бы так плохо обо мне думать.

Я остановился возле черного костюма, на подобие того парадного, и с восторгом потрогал ткань. Мягкая и явно теплая, она была расшита черными шелковыми нитками. Однако меня смутил странный покрой штанов.

—Это верховой дорожный костюм, милорд. Так же он подходит для прогулок и...

—Я могу его примерить?

Через пол часа я с улыбкой смотрел на себя в зеркало, поворачиваясь то правым боком, то левым. Было такое чувство, что его шили прямо на меня. Ничего не жало, и я осмелился сделать несколько разминочных движений ближнего боя. И лишь потом понял, что делаю что-то не то. С чего я взял, что именно эти выпады ногой и движения руками называются разминочной частью ближнего боя? Да, я видел такие выпады в карате, но никогда слишком не интересовался этим видом спорта. Моей слабостью было дзюдо, но в нем не было таких движений.

Я нахмурился, глядя на свое отражение. Что же со мной происходит? Маришь говорила что была со мной в ментальной связи первые сутки. Могла ли она научить меня не только говорить на этом языке, но и сражаться?

—Милорд?— камердинер не понял моего понурого вида. - Вам не нравится? Я могу принести другой костюм.

—Костюм просто великолепен, мистер Буше,— прошептал я, все еще копаясь в своих мыслях.

—Если вы переживаете из-за своего лица...

Я резко вскинул голову, и, увидев смущение в глазах старика, отвернулся.

—Скажите, Буше, я урод?

—Нет, милорд,— старик шустро подскочил ко мне и схватил за плечо. -Вы прекрасны.

Я злобно оскалился, и специально повернулся к старику изуродованной щекой. И заметил нервную дрожь в его глазах.

—Не врите, Буше. Я могу одеться хоть во все золото, но вот это никуда не денется,— я провел пальцами по шрамам. - Я навеки буду мелким уродцем, вызывающим лишь жалость и ужас. А я не потерплю жалости! И лжи,— уже тише добавил я, и опустившись на пол, уткнулся лицом в коленки. Хотелось разреваться, но слез уже не было. Видимо лимит истерик на сегодня я уже перевыполнил. Однако депрессивное состояние никуда не делось, и давило не слабо.

Мое состояние отразилось и на старом камердинере. Он едва не плакал.

—Простите меня, милорд. Принцесса предупреждала меня о вашей особенности и о том, что вам пришлось пережить. Но я думал что она преувеличивает. Простите, милорд, но

я на самом деле не ожидал... Вы ведь еще ребенок. Не каждый за всю свою жизнь сможет испытать все, что случилось с вами. Я наверное слишком стар и впечатлителен, и не смогу помочь вам. Я пойму если вы прогоните меня. Я не должен был...

—Простите, Буше, я был не прав,— пришлось взять себя в руки. —Если принцесса посчитала, что вы сможете научить меня всему, что должен знать лорд, значит она имела повод так думать. Вы умный человек, и я почти за честь быть вашим учеником.

Я почтительно склонил голову перед Буше, понимая что сейчас как никогда полностью завишу от чужого человека. Если этот старец не научит меня уму разуму, то смогу ли я вообще показаться на людях?

—Ах, милорд, вы так похожи на Рохарда,— старик погладил меня по голове, а потом поднял мою голову за подбородок и внимательно рассмотрел мое лицо. Наверное, он долго пытался до этого изучить мою внешность, но только сейчас, воспользовавшись моим замешательством, смог это сделать. —Признаюсь честно, шрам вас не красит. Но, учитывая тонкие черты вашего лица, он придает вам серьезности. Если вы будите меньше улыбаться, то все склонятся перед вами. Люди с такими отметками не могут быть шутами или повесами. Вы должны быть строги во всем — в отношении к себе, к другим. Я не говорю, что вы должны всех мерить под одну планку, и если видите что нужно улыбнуться — то делай-

те это. Но запомните, если вы хотите что бы люди видели в вас не маленького несчастного ребенка, а самостоятельного и взрослого человека — то дайте им понять что вы получил эти шрамы не случайно, и вы не стыдитесь этого,— он снова коснулся моей щеки, и я опустил глаза.

—Заставить себя не стыдиться,— тихо прошептал я и вернулся к зеркалу. —Буше, но как? Ведь все в первую очередь смотрят на него, а потом на меня.

Камердинер задумался.

—Представьте что говорите: «Смотрите и знайте что я пережил. А сможете ли вы пережить то же?»

А ведь он прав. Кто сможет пережить то, что выпало мне, и потом искать радости в жизни? А я хочу вернуться к прежней жизни. Жизнь в постоянном ужасе от своей внешности, в постоянной жалости к самому себе, меня не устраивала.

—Буше, вы можете мне показать дворец?

—Конечно, милорд.

Первое что я попросил показать мне, были комнаты Рохарда. И именно здесь я впервые увидел его портрет. Мальчик был очень похож на своего отца. Мягкий взгляд и светлые волосы, немного бледноватый и утомленный вид. И мне показалось, что он старательно пытался удержаться в детстве, а ему это запрещали.

А еще у него не было настоящих игрушек. Все те подобию детских развлечений, что я увидел в комнате этого ребенка, были слишком роскошными, покрытыми золотом и

драгоценными камнями. Да ими даже играть то нельзя было! Вот, к примеру, нечто, похожее на роликовые коньки, были настолько тяжелыми, что да же я не стал бы на них кататься.

—Буше, пошли от сюда,— я покосился на двух стражников, следовавших за нами от самой моей комнаты.

В течении двух часов камердинер водил меня по дворцу, объясняя что это за комнаты, а что этот, к примеру, зал, предназначен для приема послов. В конце концов я взмолился.

—Буше, давай выйдем на улицу. Здесь есть какой-нибудь сад?

—Конечно, милорд. В какой сад вы хотите попасть? Верхний сад, розовый сад, общий сад? Есть еще...

—О Боже, Буше, я просто хочу выйти на свежий воздух,— я выдохнул молчаливую молитву, закатив глаза как перед обмороком.

Старик захлопал глазами, а потом виновато потащил меня по коридорам. Я же сразу заметил что к тем двоим стражникам, присоединился разве что не целый взвод.

Я не обратил внимания на гвардейцев, стоявших на вытяжку перед большими резными дверями, и когда передо мной открылась дверь на улицу, чисто машинально шагнул вперед. И замер.

Я стоял на верху большой лестницы, уходящей вниз ступеней на пятьдесят, и теряющейся за поворотом. А вокруг меня бушевала жизнь. Сочная яркая зелень напознала на

мраморные ступеньки, но я заметил что ее аккуратно подстригали. Птицы, яркие в своей окраске и напоминающие попугаев, взлетали на несколько метров, и снова терялись в листве невысоких кустарников. А в каких-то двухстах метрах от лестницы, сверху, с горы, срывался стремительный поток воды.

Оказывается замок уютно прижимался к стене огромной скалы, с которой в разные стороны текла вода нескольких водопадов. Их высота была столь велика, что сколько я не пытался, но так и не смог увидеть низовий. Сплошной туман окутывал все земли под замком, и было ощущение, что замок просто парит в облаках. Но самым странным, было то, что я не слышал грохота разбивающейся воды. То ли высота была такой огромной, то ли это была особенность этого мира, но вокруг был слышен лишь шелест листвы и пение птиц.

—Буше, здесь так красиво,— я оперся на перила и блаженно зажмурился.

—Катарактарум весь состоит из таких водопадов, милорд. Двести восемьдесят больших водопадов и пару сотен более мелких. Дворец стоит на самом большом. Здесь высота потока около километра, милорд.

—А в Клейморе то же есть водопады?

—Конечно, милорд. Клеймор стоит на пятом по высоте водопаде нашего королевства. Его высота чуть более пятисот метров.

—Ого,— я представил как должно быть красиво все это

смотрится со стороны, и расплылся в улыбке. -Буше, я хочу посмотреть здесь все. Поговорить с местными жителями, узнать чем они живут и...

-Джейк,- голос Маришь оборвал мои воодушевленные речи и я обернулся. Девушка стояла наверху ступеней, и недовольно хмурилась. -Мы потеряли тебя.

-Простите, принцесса,- оставив старика возле парапета, я пробежал наверх и почтительно поклонился. Остановившись в шаге от Маришь, я улыбнулся. -Маришь, здесь так красиво.

-О, малыш,- она протянула мне руку, и я позволил ей коснуться моего плеча. -Это еще не самое красивое место в королевстве. Дай я посмотрю на тебя,- она заставила меня повернуться вокруг себя, и удивленно вскинула брови. -В этом костюме ты выглядишь намного старше. Он очень идет тебе.

-Спасибо. Надеюсь, не слишком мрачно?- я провел рукой по черной вышивке, блестевшей на ткани.

-Как это ни странно, но нет.

Она удивленно потрогала мои собранные волосы, и улыбнулась.

-Как тебе мастер Буше?

-Он... Маришь, он вообще знает кто я?- шепотом спросил я.

Девушка сжала губки, и отрицательно покачала головой.

-Не все,- прошептала она, и уже более громко добавила. -Ты - сын короля, и он должен научить тебя жить заново. Бедный мой мальчик, как же тебе тяжело пришлось,- она поры-

висто прижала меня к своей груди, и я волей-неволей, ощутил дурманивший запах ее тела.

—Маришь, нам надо поговорить,— прошептал я, сильнее прижимаясь к девушке, и не смея поднять головы. Чувствовал, как краска заливает лицо и шею, а тело буквально сводит от желания. Такого сильного, что мозг отказывался здраво мыслить.

—Прямо сейчас?— девушка склонилась к моему уху, и обняла за плечи. Господи, лучше бы она этого не делала.

Скрежетая зубами, на негнущихся ногах, я все же смог отступить на два шага и пряча глаза, прошептал.

—Минут через десять, принцесса.

—Хорошо,— она кивнула, как-то странно посмотрев в мою сторону. —В моей гостиной?

Я кивнул, и игнорируя Буше, минут пять стоял с закрытыми глазами и успокаивал нервы.

—Милорд? С вами все в порядке?— Буше нервно дергал меня за рукав, и это вывело из прострации.

—Что? А, да. Все в порядке. Буше, простите, но мне надо срочно поговорить с принцессой,— я вырвал рукав из рук камердинера, и бегом ворвался во дворец. Услышал, как за спиной несколько стражников рванули за мной, и резко затормозив, повернулся. Так повернулся, что заметил ужас в глазах некоторых особо нервных.

—Оставьте меня,— чуть слышно велел я, и уже более спокойно пошел туда, где, как я помнил, находились королев-

ские гостиные. Стражники немного отстали, но все же продолжали следовать за мной. Какая-то необузданная ярость закипела в крови, и руки сжались в кулаки. -Я что, непонятно сказал? Оставьте меня. Это приказ!

Я так и не понял из-за чего они шаррахнулись. Может их напугало мое неформальное положение при короле, а возможно мой вид. Но они отступили на шаг, и отдали честь.

В следующую секунду я увидел Хогарда.

-Милорд?— телохранитель смотрел на меня с явным интересом, и не боялся.

-Хогард, я не хочу что бы за мной по пятам все время ходил целый отряд!

-Простите, милорд. Но такова воля его величества,— Хогард склонил голову в почтении, и я чуть не зарычал.

-Что же, мне теперь идти к королю, что бы он отменил этот указ? Хогард, ну хотя бы во дворце?

Великан кивнул, и жестом отослал солдат.

-Я сам буду сопровождать вас, милорд.

Я обреченно застонал, и быстро направился в гостиную Маришь. Хогард следовал молча, не пытаясь заговорить.

Захлопнув двери перед носом телохранителя, я прижался к створкам, и попытался взять себя в руки. Это странное чувство гнева ушло, уступив растерянности и... я не мог точно сказать даже самому себе, от чего меня трясет.

-Джейк?— Маришь поднялась с диванчика, и подойдя ко мне, положила руку на плечо. -С тобой все в порядке?

Что же это такое? Я чувствую ее руку даже через несколько слоев ткани.

—Маришь, со мной что-то не так,— тихо прошептал я, и подчинился, когда девушка развернула меня к себе.

—Ты заболел? Тебе плохо? У тебя что-то болит?— Маришь в панике стала ощупывать мою руку, но я отстранился, и отчаянно покачал головой.

—Нет, Маришь, не то. Я...

Я прикусил губу и виновато опустил голову.

—Прости, Маришь, но я не знаю что со мной. Я закипаю от ярости, и тут же переключаюсь на полный деприссник. Только что испытывал ослепительное чувство восторга, а в следующую секунду сгораю от стыда. Маришь, я никогда не был сентиментален, но сейчас... Да, отец называл меня романтиком, и я пользовался заботой матери, но никогда не вел себя так.

Маришь выдохнула, и подтолкнула сесть на диван.

—Садись, и расскажи что произошло.

Я рухнул на диван и попытался расслабиться, но понял, что не могу. От дикого волнения тут же весь взмок, и строгий воротник чуть не задушил. Я нервно расстегнул его, и провел пальцами по волосам.

—Да что рассказывать? Маришь, я схожу с ума! Во мне все эмоции либо вскипают, либо совсем отключаются.

Я вскочил на ноги и начал метаться по богато обставленной комнате.

—Я понимаю что стражники не просто так следуют за мной, а из-за того, что все боятся повторения истории Рохарда. И я благодарен королю за его заботу. Но я ненавижу сам факт того, что мне не дают побыть одному. Я знал что мое лицо пугает людей, и воспользовался этим, пугая стражей. Я не планировал этого, но какая-то часть мозга сама избрала такую линию поведения. Я понял что представляет из себя Рохард только лишь посмотрев на его портрет и его комнату. А Буше? Я почувствовал его ум, но и то, что он не знает как ко мне относиться. Рядом с ним мне охота замолкнуть, и слушать. Я боюсь его, понимая что у него сейчас столько власти надо мной. Маришь, а ты...

Я замолчал, и, отвернувшись, уставился в окно. Посмею ли я признаться ей, принцессе, своей так называемой сестре, какие чувства и желания она во мне пробуждает?

—Маришь, нет,— меня мелко затрясло от того, что она подошла ко мне со спины, и крепко обняла за плечи. Так крепко, что я просто не мог высвободиться. Я конечно мог бы применить несколько приемов дзюдо, но не с ней. —Прошу тебя, Маришь, не надо.

Я чуть ли не терял сознание от возбуждения к девушке, и ненависти к самому себе.

—Джейк,— она прижалась к моей щеке своей, и я застонал от отчаяния. —Джейк, что с тобой?

Я выдохнул, стараясь отрешиться.

—Маришь, мне надо держаться от тебя подальше. Я не мо-

гу... Ты сводишь меня с ума!

Я всхлипнул от боли, когда Маришь сжала меня еще сильнее, и с трудом избавился от темных кругов перед глазами.

—Маришь, мне больно!

—А мне не больно? Джейк, если тебе надо женщину, так бы и сказал. Хогард бы нашел тебе подходящую,— Маришь шутливо смотрела на меня.

От стыда я закрыл лицо руками.

—Ты не понимаешь,— у меня подкосились ноги, и я выскользнув из объятий девушки, опустился на ковер. —Когда ты рядом, у меня отключается все, кроме одного. Маришь, я не могу так! Ты идеальная женщина, меня все восхищает в тебе.

Я уже сам не понимал что несу. Что-то о ее глазах и руках, о мягком голосе, о ее фигуре и много-много другое. А когда выговорился, понял что пуст до основания. Никаких чувств, никаких эмоций. Ничего.

Тяжелая повисшая тишина заставила меня поморщиться.

Маришь сидела на ковре рядом со мной и прикусив нижнюю губу, о чем-то упорно думала.

—Я наверное пойду,— я поднялся и уже шагнул к двери, но Маришь перехватила меня за руку.

—Нет, Джейк, постой. Я, думаю, знаю что с тобой происходит. Сядь,— она указала на диван, и поднявшись, куда-то ушла. Вернулась через минут пять, и протянула мне бокал сока росс. —Выпей его. И пей каждый раз, когда начнешь не

контролировать свои эмоции и чувства.

Я взял бокал, но пить пока не стал.

–Говори,— прошептал я, видя вину в глазах Маришь.

–Мы видимо передержали тебя в живой воде. Она сейчас влияет на твоё тело... Ну, в общем, сейчас твоё тело само решает что ему лучше. Ты начинаешь злиться – и оно ещё сильнее разжигает этот огонь. Тоска – так до слез. А вот по поводу твоей реакции на меня... я думаю что здесь ещё сыграла роль та ментальная связь, что была между нами. Хотя ты был и без чувств, но твоё сознание, с которым я поддерживала связь, запомнило меня. И воспринимает меня как родного и близкого человека.

–Маришь, ты ведешь себя со мной как мама. Но у меня нет к тебе тех чувств, которые я испытываю к своей настоящей матери.

–Ну, так ведь я ею и не являюсь.— Маришь ласково улыбнулась и взяла мою руку в свои. От электрического разряда, пробежавшего по руке, я вздрогнул и залпом осушил бокал.

–Черт,— прошептал я, расползаясь по дивану. -Маришь, я...

Меня просто вырубило.

Я витал в облаках. В таких розовых и пушистых, с ароматом клубники и...

Я резко дернулся и сел. Хогард стоял возле двери и словно статуя, не двигался. Однако, увидев что я зашевелился, ехидно усмехнулся.

–Выспался?

Я тряхнул головой, и заозирался. Я все еще был в гостинной Маришь, но кто-то заботливо укрыл меня одеялом.

–Сколько я спал?

–Не долго. Два часа.

–А-а,– я встал и поправил одежду. –Блин, у меня голова болит. Хогард, зачем она меня усыпила? Я что, потенциально опасен?

–Для кого? Для Маришь?– телохранитель рассмеялся. – Простите, милорд, но с вами она справилась бы в два счета. Скорей принцесса не хотела, что бы вы поставили себя в неловкое положение.

–Боже, что же я ей наговорил,– я с ужасом провел рукой по лицу.

–Ты должен был это сделать раньше, как только понял что с тобой творится. А теперь пошли.

–Куда?

–Ужинать.

Я прислушался к себе.

–Прости, Хогард. Но я не хочу. У меня голова болит.

Морщась, я обошел телохранителя, и сонной неуверенной походкой пошел в свою спальню.

Дойти я не успел. Передо мной вдруг появился Буше, и подхватив под локоть, потащил в столовую.

–Милорд, вы не можете просто так взять и отказаться от ужина с его величеством. Это нарушение всех правил этике-

та...

В итоге мне пришлось просидеть полтора часа за столом, упорно стараясь не зевать и не дать себе уснуть. Видимо из-за усталости, я даже не сразу заметил что сижу по правую руку от короля. Однажды я даже задремал, опершись на руку, но Маришь больно пнула меня ногой под столом (и как только дотянулась?), и больше я себе такого не позволил.

—Папа, может, завтра показать Джейку город? Если его включить в свиту, то на него никто не обратит внимания.

—Вы не хотите что бы обо мне кто-то знал?

—Пока — да,— король задумчиво покрутил в руках бокал с янтарным вином. —Джейк, ты совершенно не знаешь Догран. Здесь можно встретить всех обитателей планеты. Полюбоваться водопадами и заглянуть в наши лечебницы съезжает-ся слишком много народа.

—А не проще будет если я с Хогардом вдвоем прогуляемся? На двух праздно шатающихся обратят меньше внимания, чем на эскорт.

—Нет!— резко ответила королева, все это время молчавшая и изучающая меня. —Хогард очень хороший воин, и, если что-то случится, он сможет отбиться даже от банды разбойников. Но и он не всесильный. Я не могу позволить потерять еще и тебя. У меня отняли Рохарда, Маришь отказывается от престола, а ты... ты еще не готов. За приделы дворца ты выйдешь только в сопровождении двадцати гвардейцев, либо в числе свиты.

Все, включая короля, разинули рты от такой тирады.

—Королева права,— медленно кивнула Маришь.

Все как-то затихли, и воспользовавшись моментом, я извинился и встал.

—Простите, ваше величество, но у меня сегодня был тяжелый день.

—Да, конечно, малыш,— Комоло даже улыбнулся. — Иди. Если тебе что-нибудь понадобится, Буше все устроит.

Он поманил меня к себе, и я, немного помедлив, шагнул. Не успел опомниться, как король поднялся, и обняв меня, вдруг по отечески поцеловал в лоб.

—Отдыхай, мой мальчик.

—Ваше величество,— я поднял голову, и встретился с голубыми глазами короля. —Спасибо.

—За что?— он казалось даже не удивился.

—Спасибо вам за то, что спасли меня,— я тяжело сглотнул, увидев блеск в глазах короля. —И за то, что даете мне шанс вернуться домой.

—Мальчик мой,— король крепко обнял меня за плечи, и не заметил моих наворачнувшихся слез. Боже, когда то давно, еще в детстве, отец так же обнимал меня.

А потом, я вдруг оказался слишком взрослым для него.

Я отстранился от массивной фигуры короля, и подошел к королеве. Странно, если бы я не знал что она не мать Маришь, то мог бы подумать, что они сестры.

—Ваше величество,— я поцеловал ручку королевы, и все

еще удерживая ее пальцы, потерял о них щекой. -Я благодарен вам от всего сердца за вашу заботу. Я чувствую, что вам тяжело даже смотреть на меня, и знать что я могу занять место Рохарда, но это не мешает вам проявить внимание и заботу к такому человеку как я. Ваше величество, я не собираюсь занимать его место. Я никогда не стану вашим сыном и не смею надеяться, что стану для вас кем то больше чем чужим ребенком из чужого мира. Но то тепло, которым вы меня окружили, спасает меня. Не дает сдаться,— я снова прижался губами к дрожащей руке, и понял, что королева плачет. Она порывисто обняла меня, и расцеловала в обе щеки, даже не обратив внимания на мое замешательство.

—Малыш, как же ты все это носишь в себе? Я потеряла только сына, а ты всех. Прости меня за мой эгоизм.

К Маришь я подходил как во сне. Видел как она испуганно сжала подлокотник кресла, и понял, что она не слышала моих слов ни к королю, ни к королеве, но видела, что они сняли свои маски величия. И это ее пугало.

Я опустил на колено перед принцессой, и склонил голову.

Мне так много хотелось сказать ей, но мог ли я поведать ей все то, что испытываю к ней?

—Маришь, спасибо тебе за все. За то, что вытащила меня из воды и не дала захлебнуться. За то, что не дала ослепнуть. За то, что понимала меня даже тогда, когда нас разделяла разница языков. Спасибо за то, что не дала умереть...

—Джейк,— девушка попыталась остановить меня, но я перехватил обе ее руки, и сжал. Боже, как же она прекрасна!

—Нет, Маришь. Дай сказать. Я должен был это сделать раньше.

Я закусил губу, отрезвляясь болью.

—Маришь, спасибо что не послушала меня и не подпустила ко мне смерть. Я запомнил каждую секунду, и помню то чувство безысходности. Тогда, я перестал верить в жизнь. Смерть была мне в подарок, но ты не допустила этого. Ты верила в меня даже тогда, когда я сам перестал в себя верить. Я помню как все не верили в то, что я выживу. Все, кроме тебя. Я обязан тебе своей жизнью. Возможно я больше никогда в этом не смогу признаться даже себе, но ты спасла не только мое тело, но и разум. Мне стыдно перед тобой за свои слабости... Маришь, когда я там умирал, первое что я почувствовал — это были твои руки и твой голос. Ты поддерживала меня, и я до сих пор чувствую эту поддержку. Без нее я бы просто сгорел. Спасибо тебе за то, что дала мне жизнь.

Я поднял голову, и встретился с глазами девушки.

Она была бледна, и у меня мелькнула мысль, а не потеряет ли она сознание. Все в ней сейчас кричало от внутренней боли, но она сдерживала себя.

—Джейк,— она с трудом улыбнулась, и наклонившись, прижалась губами к моему лбу. —Спасибо тебе. Ты моя радость в жизни. А теперь иди. Если ты сейчас останешься, то весь дворец встанет на уши от слез королевской семьи. Ты... хо-

роший мальчик.

Я поднялся, и поклонившись всем троим, вышел за Хогардом.

В полном молчании я принял ванну, и выгнав слуг, залез в кровать. Все тело буквально кричало от усталости и желания отдыха, но сон еще долго не шел. Я ворочался часа два, прежде чем вспомнил про маленький графин сока росс, оставленного слугами на столике, и сделав пару глотков прямо из горла, уснул только коснувшись подушки.

Глава 3

Первый раз я вскочил посреди ночи от того, что во сне я снова вылетал из колодца, и несясь к стремительно приближающейся воде. А потом был удар. Я видел как во мне разрываются сосуды и ломаются кости. Видел как разорвалась печень, а сердце от удара пошло трещинами. Как во мне начинала скапливаться кровь, а вода заполняла легкие.

От ужаса я закричал... и проснулся.

Тут же в комнату ворвалось двое стражников, и отдышавшись, я замахал на них руками.

–Просто сон приснился страшный. Все в порядке.

Второй раз меня то же заставил проснуться дикий ужас.

Я лежал на мокрых камнях и Маришь вливала в меня живую воду. Я не чувствовал ни ее вкуса, ни холода, но снова видел что творится со мной внутри. Вот вода коснулась горла, и, найдя первую попавшуюся трещину, устремилась по крови к моему сердцу. То буквально на глазах стало зарастать и дальше гнать спасительную воду по венам. Вот она коснулась легких, заполненных водой, и заставила обычную воду отступить. И прежде чем я закашлялся, уже снова неслась по организму, латая трещины и истекающие кровью раны. Когда я согнулся, отвергая воду, которой успел наглотаться, я снова оказался в полной темноте, ослепший, и с ужасом зашарил руками вокруг себя. Так я и проснулся. Я

сидел на кровати, и ощупывал простыни вокруг себя, а надо мной стоял Буше. Он с испугом тряс меня за плечо, и маленький светящийся шарик дрожал в старческих руках.

—Проснитесь, милорд. Проснитесь.

Сообразив, что снова меня разбудил кошмар, я со стоном рухнул на подушки.

—Спасибо, Буше. Я... Если вам не сложно, оставьте пожалуйста свет. Со мной все в порядке. Идите спать.

Проснулся в третий раз я на рассвете от того, что по мне скользнул Вальди. Даже не испугавшись, я подхватил животное и посмотрев в его любопытную мордочку, вздохнул.

—Тебе то же не хватает хозяина,— я положил его к себе под мышку, и накрыл голову ладонью. Уже через несколько секунд и я, и мой новый дружок, снова спали.

—Не смей его будить,— услышал я сквозь сон недовольный тихий голос Маришь, и не желая просыпаться, сонно подтянул к себе одеяло. —Он пол ночи метался в кошмарах. Ему просто необходимо нормально выспаться.

—Ну дайте я хоть зверька заберу. Он же его задушит!

Задушит? Я удивленно попытался по своим ощущениям найти теплый комочек под рукой, и нашел его развалившегося вдоль моего плеча, а мордочка лежала как раз у меня на шее. Ага, Вальди решил что имеет полное право спать не рядом со мной, а на мне. Ну, если вспомнить кота, которого принес отец пару лет назад домой из клиники на передержку, и любившего спать на груди, то Вальди был совсем без-

обиден.

Видимо Хогард, а это был именно он, потянулся за хорьком, и тот злобно зашипел. От удивления я тут же открыл глаза, и встретился с пораженным лицом телохранителя. Значит в этом мире хорьки имеют голос! Вот те на.

Прикрыв ладонью голову Вальди, успокаивая его напряженное тельце, я огляделся. Маришь с Хогардом стояли чуть впереди трех слуг, держащих в руках какие-то серые тряпки, и на лице девушки я прочитал недовольство.

—С добрым утром,— прошептал я охрипшим голосом, и спустив Вальди на простынь, сел.

—Ну вот, ты его разбудил,— прошипела Маришь, бросив на великана недовольный взгляд. —С добрым утром, Джейк. Мы собирались сегодня выбраться в город, не забыл?

—А-аа,— протянул я, зевая. Вставать не хотелось абсолютно.

—Спустишься к завтраку, или пусть сюда принесут?— Маришь все еще бросала недовольные взгляды то на Хогарда, то на Вальди. Последний же, развалившись на простыне, с любопытством смотрел на девушку, ожидая от нее чего-нибудь вкусенького.

—Да, сюда наверное,— я снова зевнул, и потянулся к халату. —Маришь, мне надо одеться,— я выразительно посмотрел на девушку, а сам тем временем заметил что из ванной комнаты раздается плеск воды. Ну вот, приехали. Снова мыться!

—Ладно. Через час выезжаем, так что поторопись.

Она улыбнулась и ушла, оставив меня в окружении слуг.

—Хогард, а если бы я не проснулся, она что, отменила бы поездку?

—Отложили бы на пару часов,— пожал плечами телохранитель, уступая мне дорогу в ванну. —Ты бы это, поосторожней с этим животным. Он как ни как — хищник.

—Он сам пришел, Хогард,— быстро ополоснулся и забрав у ретивого слуги полотенце, сам вытерся. —Он тоскует, и ему нужен друг.

—Но...

—Хогард,— я вернулся в спальню, и с удивлением увидел заставленный яствами стол. И когда только успели? —Я хочу что бы он остался. К тому же, он со мной ничего не боится,— я подхватил Вальди с кровати, и поднес его к носу телохранителя. —Чувствуешь, не воняет? Значит, ничего ему не угрожает и он спокоен. И я буду спокоен, пока вокруг спокойно...

—И ничего не воняет!— закончил за меня телохранитель, многозначительно отстраняясь от животного. —Завтракай. Одевайся. И пошли.

—Ну нет. Один я есть не буду,— я указал рукой на второй стул возле стола. Хогард отрицательно покачал головой. —Если я умру от голода, Хогард, то это будет на твоей совести.

Я так улыбался, когда Хогард с ненавистью садился за стол, что слуги поспешили ретироваться. Конечно, как они могли рассмеяться при мне?

Я обследовал несколько горячих чайничков, понюхав содержимое каждого, и когда наткнулся на нечто напоминающее чай, с восторгом налил напиток себе в кружку. Слуга, которого я просто отогнал от стола, лишь вздохнул. Ну и пусть. У меня есть свои руки.

—Как называется этот напиток?— я показал пальцем на свою кружку.

—Тай. Готовится из листьев тайгурского дерева.

Хогард налил себе что-то другое, и я любопытно заглянул в его кружку. Нечто зеленое и совершенно неаппетитное, не внушало доверия.

—А это досэ. Очень редкий фрукт, который привозят из Дорбоса. Его сушат и заваривают. Он... будит организм. Помогает когда хочется спать.

Ага, кофе! Только вот цвет странный.

—Щас попробуем,— я взял еще одну кружку, и покосился на дернувшегося слугу. Досэ по вкусу напоминало наше кофе, но вот привкус какой-то травы, все портил. И был безумно сладким. —Ну, к нему можно привыкнуть. Хотя... нет, слишком сладкий.

Я отодвинул кружку и взял свой тай. Добавил коричневого сахара, а он почему-то здесь был только коричневым, и с блаженством сделал первый глоток. Самый обычный чай, ароматный и вкусный. Красота!

Я вздрогнул, когда ко мне на колени взобрался Вальди, и стал выпрашивать вкусенького. Хогард тут же отрезал ку-

сок мяса, и протянул его мне на вилке.

—Распорядись, что бы ему приносили сырого мяса и молока. Он как ни как хищник.

Я закивал, и отдав хорьку мясо, сам набросился на еду.

Через десять минут Вальди уже рылся в своей собственной тарелке, выбирая самые вкусные кусочки мяса, а я с ужасом смотрел на принесенные слугами одежды.

—Это платье советников принцессы. В свите короля то же есть советники, но они носят черные и белые одежды.

—Ты же сам говорил, что я слишком мелкий для жителей дворца. Меня сразу раскусят.

—Тебя не будет слишком заметно в экипаже. А на улице... Принцессе позволено брать в советники девушек. Ты как раз подходишь ростом...

Он не успел договорить, потому что я опрокинул на него стол с завтраком.

Я спускался за Хогардом по большой лестнице в центральный холл, и чувствовал себя последним кретином. Весь в сером, с длинным плащом и капюшоном, закрывающим меня от любопытных глаз, и в стальной маске на все лицо, я походил бы на монаха. Однако Хогард настоял на том, что бы прицепить мне на спину двойные ножны с мечами как у ниндзя. И теперь, волей не волей, я чувствовал себя клоуном.

—Советники с оружием? Хогард, ты в своем уме?— орал я на него, когда тот силой одевал меня.

—Это стандартное обмундирование советника. Правитель

сам выбирает кто у него будет советником. Это могут быть его маги, просто люди из свиты, приближенные, которые не хотят светиться на публике. Оружие используют не все, и у большинства личное снаряжение,— повторял он, и завязал на мечях какие-то ленточки.

—А, так я даже не смогу достать их,— возмутился я, попытавшись выдернуть хоть один из мечей. И тут же получил по рукам.

—Ленточки мира. Если ты порвешь хоть одну из них — а в городе кого-то порежут, то ты будешь в числе подозреваемых. Не думай даже пытаться достать их. Там и без тебя охранников хватит.

Я фыркнул, ругался, и все равно оказался в том самом виде, в котором он хотел меня видеть.

Однако я немного успокоился, когда увидел таких же советников как и я, только в черных и белых одеждах. Кто у кого больше вызвал интереса, не хотелось уточнять, но на меня уставились все.

—Ну вот, растворился в толпе,— я печально опустил голову, и понял, что быть мелким— это вообще не вариант в этом мире.

—Пошли,— Хогард кивнул на дверь, и не оставляя мне возможности спорить, двинулся вперед.

—Постой, у нас есть еще десять минут.

—Я хочу познакомить тебя кое с кем.

Этот кто-то была лошадь. Черный красивый жеребец,

оседланный и нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу.

— Подожди, ты же говорил про экипаж!— я дернулся в желании сбежать куда подальше, но в следующий момент уже стоял перед конем, и с отвращением отворачивал от него лицо. — Боже, Хогард, он же меня укусит... или сбросит.

— Садись на лошадь,— телохранитель подтолкнул меня еще ближе, и я застонал.

— Да не умею я кататься на лошадях!— взмолился я. — Я в жизни не сидел в седле!

Это был наверное самый первый случай, когда Хогард не нашел что сказать. Он минуту ругался и костерил всех живых в моем и своем мире, после чего потащил меня в сторону конюшен.

— Ты что, издеваешься?— я шарахнулся от целого табуна, которого перегоняли из одного в другое стойло. Едва не наступил в кучу смердящего навоза и вцепился в рукав великана. — Хогард!

Мы остановились возле одной спокойной лошади, по крайней мере мне именно так и показалось, и Хогард оседлал ее в считанные секунды.

— Так, а теперь смотри. Держишься за стремяна, ставишь ногу вот сюда...

Он раз пять показал как нужно взбираться в седло, и спускаться, а потом раз пять заставил меня сделать то же самое. Правда я пару раз не слез с лошади, а просто напросто свалился, но, в общем, я понял как это делается.

—Все. Хорошо. Потом вернемся, я потренирую тебя еще.

—А как ее заставить скакать?— я подергался в седле, но лошадь лишь насмешливо фыркнула.

—Не скакать, а ехать,— поправил меня Хогард, обреченно подавая мне поводья. —Постарайся не напугать ее. Я сейчас вернусь.

Замечательно! Он оставил меня наедине с лошадыю, а сам куда то сбежал. Что он хотел этим доказать? Я постарался припомнить все, что хоть когда-то видел в фильмах про лошадей.

К тому моменту, как телохранитель вернулся, я уже освоился в седле и смог заставить эту тупую скотину сделать два круга. Она артачилося, и порывалась скинуть меня, но все же я удержался.

—Все, слазь,— велел мне великан и подвел того самого жеребца, что был предназначен для прогулки. Второй конь, который вышагивал за черным, спокойно осматривал меня, и я понял что он предназначен самому Хогарду. —Эскорт отправился вперед. Я обещал, что мы догоним их у подножья. А теперь залазь на Угля, я подтяну стремяна.

Я чуть с ума не сошел, пока Хогард показывал как управлять лошадыю, но вопреки его скептическому настроению, сразу все схватил. Понял что значит «мягкие руки» и как подыматься в седле при галопе. Уже через двадцать минут, я относительно сносно мог управлять Углем, а именно так звали черного красавца, и гарцевал вокруг довольного Хогарда.

—Знаешь, Хогард, я думал все будет куда как страшнее,— я погладил жеребца по холке, и усмехнулся. —А теперь давай, нам еще нужно догнать эскорт.

Ох, как я ошибался, уверяя себя и Хогарда, что все в порядке. К тому моменту, как мы догнали эскорт, я уже стер все что только можно было о седло, и разучился ходить. Только маска скрывала мое страдальческое выражение лица, но я не собирался никому жаловаться.

Мы спустились по длинной узкой тропе к самому подножью горы, у которой нас ждал целый ряд вместительных экипажей, запряженных все теми же лошадьми, за минут двадцать. Но мне их хватило. Я соскользнул со спины Угля, и тут же ухватился за седло, что бы не упасть.

—Все в порядке?— Хогард прикрыл крупом лошади меня от посторонних глаз, и беспокойно оглянулся.

—Да,— я сжал зубы и выпрямился. —Куда мне идти?

—Второй экипаж. В нем принцесса и Буше.

—Что? Он то же здесь?

—Да. Сними ножны возле самого экипажа и сядь рядом с принцессой. Твое положение советника позволяет тебе не обращать внимание ни на кого, кроме королевской семьи. Если эти олухи,— он кивнул в сторону советников в черном. —О чем-то будут с тобой говорить, просто не обращай на них внимание.

Я кивнул, и на ходу расстегивая ножны, снял мечи у самого экипажа. Не вдаваясь в формальности, залез в экипаж,

и буквально рухнул на лавку рядом с Маришь.

—Все нормально?— Маришь почувствовала мое напряжение, и протянула небольшую фляжку.

—Что это?— я открыл фляжку и понюхал содержимое.

—Сок росс.

Я улыбнулся, и сделал вид что отпил глоток. Нет, я соби-
рался смотреть на город, а не спать.

—Спасибо,— я хотел вернуть фляжку, но девушка закачала
головой.

—Оставь себе. Джейк, у меня к тебе просьба. Что бы ты
ни увидел в городе, что бы тебе ни показалось странным, не
подавай вида что тебя это трогает. Сейчас ты советник, и ты
должен быть озабочен только мной.

Я улыбнулся. О да, сейчас я озабочен только ею. И тем,
что она сидит рядом со мной.

—Куда бы я ни пошла, всюду следуй за мной. Я сажусь на
стул — ты стоишь у меня за спиной. Я выхожу из экипажа —
ты следом. Отвечаешь только на мои вопросы. Ни торговцы,
ни стража, тебя не волнуют. Ты понял?

—Да, ваша высочество,— я почтительно склонил голову, и
тут же схлопотал подзатыльник. —За что?

—Что б не ехидничал. И еще, если устанешь или захочешь
вернуться, просто скажи это мне или Хогарду тихонько.

Я обиженно кивнул.

—Все, о чем захочешь спросить, спрашивай только в эки-
паже. На людях лишний раз сам ко мне не обращайся.

—Может, мне тогда вообще не стоит выходить из кареты?

—Можно и так. Но экипаж мы оставим на дороге, а на площадь придется идти пешком.

—А что там, на площади?

—Торговая площадь. И дорога к Храму Жизни. И эта дорога должна быть пройдена с молитвами и с чистым сердцем. Там мы поклоняемся нашим Богам — Солнцу, Воде и Воздуху. Каждый раз, когда король, или любой другой стоит на пороге важного выбора, он идет в храм и просит Богов указать правильный путь.

—Ааа,— я выглянул в окно, и увидел что кортеж уже начал выстраиваться. Впереди, на украшенных лошадях, ехали трубачи и гвардейцы. За ними открытый экипаж короля, окруженный плотным кольцом охраны. Дальше ехали мы. Я насчитал около сотни гвардейцев и два десятка советников, а так же с пол сотни телохранителей. Их оказалось легко узнать по фирменной черной одежде.

—Ты чего-то боишься?— Маришь сжала мою руку, и я вздрогнул.

—Я? Нет,— я снова оглядел весь эскорт. —А вот вы чего-то боитесь. Зачем столько охраны?

—Джейк, я же говорила. Сюда съезжаются люди и нелюди со всего мира. Только здесь можно полюбоваться водопадами и купить сок росс. И некоторые живительные эликсиры.

—А разве живая вода не излечивает все болезни?

—О нет,— засмеялась девушка. —Живая вода залечивает ра-

ны. Но если человек болен, в нем живет сама болезнь, то живая вода может только залечить раны и повреждения от болезни, в то время как сама болезнь никуда не денется. Наши лекари научились смешивать живую воду с лекарствами, и после них не страшна даже оспа или лихорадка. Знаешь какие следы после себя оставляет оспа?

Я честно попытался вспомнить что это за болезнь, но так как раньше не интересовался этим, то мои знания оказались слишком поверхностными.

—Я слышал, что она оставляет на коже отметины. Я даже переболел в детстве ветрянкой. Ее еще называют ветряной оспой. Но мне повезло, и у меня не осталось шрамов.

Маришь удивленно смотрела на меня.

—Ты уверен?— она заметила мой недоумевающий взгляд и свела брови.

—Знаешь, трудно забыть ощущение зеленого лягушонка, когда тебя заливают зеленкой,— я пожал плечами.

—Я не знаю такого эликсира,— прошептала Маришь. —У нас от оспы порой вымирают целые деревни и города. А кто выживает —тот уже не считает себя живым. Слепота, изуродованное тело, у детей так неравномерное развитие организма. Мужчины становятся неспособны... Ну это не важно. Люди съезжаются к нам со всего мира, что бы впрок запастись нашим чудо-средством. А так же за многими другими. И порой от отчаяния и того, что им не хватает денег, совершают страшные глупости. Все хотят быть всемогущими перед

мором и лихорадкой, понимая что простая простуда может ослабить их в момент боя. Не далее чем на прошлой неделе, когда ты уже был у нас, трое муранов пытались выкрасть рецепт лекарства от простуды. Их попытка обошлась нам жизнью двух лекарей и большими потерями. Что если кто-то нападет не на лекарей, дающим им лекарство, а на короля, который устанавливает цены на него?

Я задумался, и поэтому пропустил сам въезд в город. Лишь отметил что все вдруг напряглись и гордо вскинули знамена.

Город был прекрасен. Величественные здания с башенками, бойницами и гвардейцами на входе, большие расписные минареты, все они словно дополняли своим совершенством друг друга. Чудесные фонтаны и сады, ровные дороги и играющее в зеркалах солнце придавали городу неземной вид. Я был поражен всей этой красотой так сильно, что буквально прилип к стеклу кареты.

Люди, столпившиеся вдоль дороги, кидали цветы под копыта лошадей и что-то кричали, но их нестройный рев не давал возможности разобрать слов.

—Но здесь только люди!— я оглянулся на Маришь, и заметил ее смущенную улыбку.

—Всему свое время, Джейк. О нашем выезде было объявлено заранее и внутренняя стража навела порядок.

Больше я ни о чем не спрашивал. Машинально отпил из фляжки и сразу стал смотреть на мир отрешенно. Кортж

выехал на большую площадь, и мы вышли на улицу. Сквозь узкие прорези маски было мало что видно, но меня это как-то и не волновало. Глаза сами искали что-нибудь необычное, и не находили.

У меня было такое чувство, словно я уже был здесь. Словно прежде видел эти богатые дома и мраморные ступени Храма. И знал что из себя представляет сам Храм изнутри.

—Тебе нравится?— вопрос Маришь вывел меня из прострации, и дернувшись, я посмотрел на девушку. Она с восхищением смотрела на Храм, и улыбалась. Была поглощена своей верой так, что не видела моего состояния.

—Очень красиво... Я то же могу войти в храм и спросить совета?

—Да. Нужно написать свой вопрос вон на тех цветах и пустить его по реке судьбы. Ты поймешь о чем я говорю, когда зайдешь внутрь. Куда прибьет твой цветок, таков и будет ответ. Только подожди пока дойдет очередь советников. И помни, в храм можно входить только с чистой душой.

Я кивнул. Внимательно следил за тем, как вся королевская семья взяла по большому цветку, размером никак не меньше ладони, с большими лепестками напоминающими лепестки орхидеи, и вооружившись тоненькими деревянными палочками, каждый начертал свой вопрос.

Вот они стали по одному подниматься по ступеням, и поклонившись на входе, исчезали за створками Храма.

Как только они исчезли, весь эскорт тут же разделился на

две части, и меньшая из них потянулась за своими цветами. Я немного отстал от всех, и тут же рядом со мной оказался Хогард.

—Я бы тебе посоветовал идти последним.

—Почему?— я взял свой цветок с палочкой, и отошел в сторону.

—Их величества после реки судеб пойдут к настоятелю, и пробудут там не менее получаса. Этого времени хватит на всех, но тебе незачем потом встречаться с ними одному,— великан кивнул на скромные двери чуть в стороне от храма, из которых выходили люди, и столпившись группами, шумно обсуждали каждый свой вопрос и полученный ответ на него. Кто-то был не согласен, и возмущенно приставал к другим.

Я кивнул, понимая что именно имел в виду Хогард.

—На, возьми,— он протянул мне несколько золотых монет, и я ошарашено открыл рот. Я впервые видел деньги этого мира. —Это пожертвование храму. Ничто не дается просто так. И каждый одаривает храм за совет так, как чувствует его сердце.

—А если не дать пожертвований?— я спрятал деньги в карман, и сел на ступеньки.

—Просто подумай, а захотят ли Боги в следующий раз услышать тебя, если ты не принял их предыдущий совет.

Если честно, то я удивился религиозности Хогарда.

—Хогард?— я перехватил руку великана, осененный одной мне не приятной мыслью. —А Боги услышат мой вопрос на

моем языке?

—Ты должен зайти со своим вопросом вот здесь,— телохранитель прижал кулак к груди напротив сердца.

Я задумался. Какой именно вопрос мне нужно задать трем Богам? Смогу ли я вернуться? Есть ли у меня шанс? Правильно ли я делаю, принимая титул?

Услышат ли меня боги, человека, только сегодня узнавшего о них?

Помедлив, я все же определился и быстро написал на русском языке «Может ли амулет вернуть меня домой?»

Когда поток вопрошающих иссяк, я медленно поднялся по ступеням, и опустился на колено возле входа в храм. Не знаю, для чего я это сделал, но чувство того, что стою перед чем-то очень великим и могущественным, ломало внутри все. И гордость, и настойчивость, и здравый смысл.

—Боги,— прошептал я, вглядываясь в сумеречную дымку Храма. От множества свечей там стоял смог и воздух дрожал. —Я не знаю как к вам обращаться. Я не знаю во что верите вы, и, боюсь что сам стою на пороге потери веры в себя. Боги, вам поклоняются, и к вам приходят за советом. Вы дадите каждому то, что он заслуживает. Помогите мне, Боги. Я не смею оправдываться за свои ошибки, потому что знаю что сам виноват во всем. Но я хочу домой. Прошу вас, помогите мне. Дайте мне веру хоть во что-нибудь.

Я склонил голову, и поднявшись, поклонился.

Возможно, во мне сейчас говорил страх к чему-то

необычному, а возможно мне не показалось, но смог словно расступился передо мной и я шагнул на протоптанную веками полосу на каменных плитах. По левую руку текла небольшая струя воды. Она терялась в глубине храма, становясь больше и глубже, а несколько статую, застывших в разных позах, венчали каждое из ее ответвлений.

Я погладил лепестки цветка, и чуть не теряя сознание от волнения, опустил его в воды.

Поток тут же закрутил бутон и медленно понес по Храму. Я не смотрел на те образы, которые мы проходили мимо, и лишь один раз остановился, когда цветок замер перед одной из статуй, и я затаил дыхание. Через секунду он поплыл дальше

Я почувствовал как холодный пот выступил на лбу и затаил дыхание.

—Прошу,— прошептал я, и до боли прикусил губу, когда бутон вдруг утянуло под воду возле одной из статуй. Но он тут же всплыл и поплыл дальше. Статуя всем своим видом навевала скорбь. Маленькая худая женщина оплакивала своего ребенка.

Цветок вдруг резко сорвался с места, и быстро поплыл мимо еще десятка статуй, и прибил к большой белой плите, на которой были выведены какие-то символы. Ошарашенный, я коснулся рукой плиты, и попытался запомнить символы.

—Я не знаю что вы мне ответили, но благодарю за то, что

услышали, Боги.

Словно в тумане я двинулся к выходу, но вспомнив о пожертвовании, высыпал все монеты на край большой жертвенной чаши. Они тут же заскользили вниз, и я улыбнулся. Звук монет был еле слышен, словно приглушенный тихий шепотом. Значит ли это что боги приняли мои жертвования? Мне хотелось верить что все именно так.

Стоило мне только выйти на улицу, как наваждение нереальности словно рукой сняло. Я даже поежился. Черт, что это было?

Рядом со мной вдруг оказался Хогард, и кивнув кому-то, положил мне руку на плечо.

—Пошли. Ее светлость скоро вернется,— он мягко подтолкнул меня к экипажам, и как только мы остались одни, усмехнулся. —Ну и представление ты устроил. Зачем опускался на колени?

—Так надо было,— буркнул я, вспомнив свои ощущения.

—Ну и что, дали Боги тебе ответ?

Я кивнул, но не стал вдаваться в подробности. Будет еще на это время.

Дальнейшая прогулка по городу в эскорте меня почти не заинтересовала. Я молча шел за Маришь по большому рынку и слушал все, о чем гудел город. Девушка интересовалась всем, и словно не замечала ни меня, ни два десятка охранников, окруживших ее. Она подходила к торговцам, к местным жителям, и я видел в их глазах настоящую любовь к ней.

Трогала мягкие меховые одеяла, и желала мастерам успехов и благосостояния, спрашивала о здоровье каких-то неизвестных мне людей, и для каждого находила либо улыбку, либо доброе слово.

Когда время начало подходить к обеду, все вдруг начали как-то волноваться, и засобирались домой.

И снова была непродолжительная поездка по городу, и отдохнувшие, уже оседланные лошади у подножья горы, на которой нам предстояло возвышаться во дворец.

—Слушай, Хогард, неужели ко дворцу нет нормальной дороги?— я с трудом взобрался на лошадь, и окинул взглядом всю нашу многочисленную компанию.

—Есть. Но по ней придется ехать час. Она серпантином описывает гору, и ведет к центральному входу.

Я кивнул, прикинув что для нас двадцать минут в седле предпочтительней, чем трястись целый час в экипаже.

Мы были уже почти в замке, когда произошло то, что в корне перевернуло мои представления обо всем этом мире, и заставило содрогнуться. На узкой тропе нас встретил отряд из десятка всадников с арбалетами, и тут же открыл по нам обстрел.

Я с разинутым ртом смотрел как ошетинились гвардейцы, и отменяя первый поток стрел, двинулись на неприятеля. Как Маришь и еще несколько всадников тут же оказались в самом сердце колонны, и их прикрыли щитами, а все наши охранники оголили мечи. Вот Хогард что-то крикнул мне, и

со злостью выдернул стрелу из рукава.

—Пригнись,— закричал он снова, и крупом лошади прижал меня и Угля к скале. Еще двое телохранителей, прежде мне не знакомых, встали рядом с ним, и выхватив какие-то стальные пластины из-за спин, одним щелчком раскрыли их в щиты. Я краем сознания отметил что те были сделаны по той же системе, что у нас делались веера, и похолодел.

Да что же здесь происходит?

Резкий толчок отвлек меня от попыток вникнуть в происходящее, и я сообразил что падаю. Падаю вместе с лошадыю на усыпанную гравием дорогу, и не могу вытащить ногу из стремени. Какая-то сила тут же подхватила меня, и взвизгнув, я вцепился в держащую меня руку Хогарда. Он закинул меня к себе за спину, и прикрыл щитом. А мой Уголь, хрипя от пузырившейся крови на губах, уже лежал на земле. В его шее торчало сразу несколько очень коротких и толстых стрел.

Где-то кричали люди, ржали взволнованные кони, звон оружия смешался с каким-то странным шипением, до сего момента незнакомым мне. А потом все разом стихло.

Усмиряя готовое выскочить из груди сердце, я огляделся, и похолодел. Почти все нападающие были жестоко зарублены мечами гвардейцев. И это были не люди!

—Кентавры,— ахнул я, желая поближе рассмотреть нападавших, но тут же пожалел о своем желании. От вида и запаха крови меня замутило, и я спрятал лицо в складках плаща

Хогарда. И уже больше не поворачивался в сторону убитых.

—Ты в порядке?— голос телохранителя отвлек меня от ужаса, и я глухо выругался.

—Нет, черт возьми, —цепляясь за спину Хогарда, я достал фляжку с соком и отхлебнул изрядный глоток. Не помогло. —Кто это был? Что им надо было?

Мы уже продолжили свой путь, и я все же оглянулся. Несколько гвардейцем стояли возле трех тел на дороге, и о чем-то бурно ругались. Я пригляделся. Все трое оказались из числа советников, и были мертвы. Я это понял по тому, что им никто не пытался помочь. Видел что еще двое перевязывают раненного в бою солдата, а этим не пытаются помочь. Тела напавших разбойников оттаскивали в сторону, и бросали с обрыва в пенящую массу водопада.

Я встретился с взволнованными взглядами короля и королевы, и отвернулся. Нет, этот мир слишком жесток для меня.

Возле самого дворца нас уже ждали. Слуги помогли мне слезть с лошади, и я тут же рухнул на колени прямо на мостовую. Меня всего трясло и стоявший ком в горле не позволял ответить на какие-то глупые вопросы телохранителя. Сорвав с лица маску, задыхаясь от ужаса и паники, впился пальцами в землю.

—Встань,— шипел на меня Хогард, и пытался поднять на ноги, но я не мог. Все во мне отказывалось признавать реальность происходящего, и требовало тишины и покоя.

—Джейк,— рядом со мной на землю опустилась Маришь,

и положив на плечо руку, несильно сжала. -С тобой все в порядке? Ты не ранен?

Я отрицательно покачал головой.

-Что им надо было, Маришь?— прошептал я, и поднял голову. Девушка казалось была абсолютно не напуганной.

-Пока не знаю. Как только допросят выжившего, мы узнаем. Но они охотились не на нас,— она задумчиво посмотрела куда-то в сторону, и поднялась. -Вставай.

-Маришь,— я смотрел на нее снизу в верх. -Они убили трех советников. Они убили мою лошадь.

Девушка недовольно свела брови и протянула мне руку.

-Ты же не хочешь обсуждать это здесь?

Я огляделся. Все двести человек эскорта до сих пор были во дворе, и уже начали проявлять заинтересованность к моей персоне.

Морщась, я натянул на глаза капюшон и поднялся. Не было больше ни страха, ни напряженности, и я вполне спокойно последовал за принцессой в замок. Но встретившись со взглядом короля, я понял что не хочу сейчас принимать их жалость. Низко поклонившись королевской семье, скинул капюшон, и уловив несколько удивленных взглядов, прошел мимо.

-Джейкоб,— злобно прошипел в мою спину Хогард, и я удивленно, с легкой улыбкой, повернулся.

-Хогард, мне надо принять ванну. Тебя ранили, и я испачкался в твоей крови. К тому же в Храме я насквозь про-

питался ладаном и дымом свечей. Если ты не против, то мы можем поговорить чуть позже. А ты пока перебинтуй руку, нечего пачкать ковры кровью.

И не дождавшись ответа, продолжил свой путь.

В моих комнатах меня уже ждал Буше. Нервно прохаживающийся взад и вперед, тем самым нервируя и меня.

—Буше? Как вы здесь оказались?

—Простите, милорд,— старик поклонился. —Я не стал задерживаться у конюшен.

Я кивнул, и стал стягивать свой наряд. Буше попытался помочь, но я попросил его оставить пока меня одного.

—Буше, пожалуйста. Я хочу побыть один. Хотя постойте,— я достал лист бумаги, и с трудом справившись с пером и чернилами, нарисовал те символы, что показал мне Храм.— Прочитайте мне это.

Я протянул бумагу камердинеру, и заметив его удивление, добавил.

—Буше, не спрашивайте меня ни о чем. Просто, переведите текст.

—Здесь написано «Да. Но это не та дорога».

Я свел брови, и отвернулся. То есть не моя дорога? Возможно, ответы в Храме абстрактны, и я не могу уловить их смысл. У каждого человека есть своя жизнь, и дорогу по ней он выбирает сам. Но это так же значит что амулет существует и он может вернуть меня домой.

Я стянул сапоги и скомкав бумагу, бросил ее в потухший

камин.

—Идите, Буше. Я позову вас позже,— я залез в горячую воду, и задумался. Что хотели сказать Боги, говоря что это не моя дорога? Я должен вернуться домой, и амулет может мне в этом помочь. Но почему я не должен пользоваться им? И какая дорога мне предназначена, если не эта?

В дверь резко постучали, и вздрогнув, я довольно грубо послал всех куда подальше.

А потом вспомнил нападение на эскорт, и содрогнулся. Эти воспоминания были словно замыты, но они были. Я снова и снова вспоминал стрелу, торчащую из рукава Хогарда, от которой тот только отмахнулся. Да я бы в обморок грохнулся, если б она оказалась в моей руке! Тела трех советников на дороге. Зарубленные и окровавленные тела кентавров.

—Черт знает что,— прошептал я, со злостью шоркая жесткой губкой кожу. —Такое чувство, словно их цель была советники,— я бросил мыло, и опрокинул на голову кувшин с холодной водой. И снова выругался. Ну почему здесь нет водопровода? Отшвырнув кувшин, я уже наверняка потрогал воду во втором, и убедившись что она теплая, вылил ее на себя.

В дверь снова постучали.

Ругаясь, я обмотался полотенцем и снял защелку с двери. На пороге стояла королева, и она была явно недовольна.

—Ваше величество,— я поклонился, и вспомнив что стою

голый, поспешно отошел в сторону. Мой халат был где-то здесь, оставалось его только найти. Проклятые слуги, прибе-рут все так, что потом ничего нельзя отыскать!

—Джейк, ты в порядке?— королева заметила мою растерянность, но все же вошла в комнату и остановилась возле нового столика.

—Да, ваше величество.

—Ты можешь называть меня Фелиссити, — она улыбнулась, но я покачал головой.

—Как я посмею,— я все еще пытался отыскать взглядом этот проклятый халат. —Простите, ваше величество. Я... я сейчас вернусь.

Я рванул в гардеробную, и чуть не сбил с ног Буше.

—Проклятье, что вы тут делаете? Я же сказал вам уйти!— я быстро помог собрать охапку одежды, которую выронил старик от испуга.

—Готовлю вам одежду, милорд.

Нервно улыбнувшись, я стал быстро одеваться. На то, что бы вытереться и причесаться, у меня просто не было времени, и я вернулся в комнату взлохмаченный и с прилипшей к телу рубашкой.

—Я ожидала увидеть тебя растерянным или напуганным, после этого происшествия,— она улыбнулась, и опустила глаза. —Но ты смог взять себя в руки. Джейк, ты очень странный мальчик.

Я опустил глаза, и указал королеве на диванчик.

—Не хочу вас обманывать, ваше величество, но в тот момент я был разве что не на грани истерики. Это были... первые мертвые люди в моей жизни. Но Хогард так быстро увез меня от туда, что я даже не успел все рассмотреть.

—А ты бы хотел все увидеть полностью?— она склонила голову на бок, и я поморщился.

—Нет,— я коснулся прокушенной губы, и вздрогнул от боли. Неужели в Храме я прокусил ее так сильно? Завтра будет синяк. —Меня больше интересовали нападающие. Я впервые видел кентавров.

—Ты знаешь как они называются. У вас они тоже есть?

—Нет. Но у нас есть легенды и сказки про них. А так же эльфы и гномы, правда вы называете их фаргами. И это кажется мне странным,— я оглядел комнату, скользя взглядом по стенам, окнам, камину... И вдруг замер. Я хорошо помнил, что бросал бумагу в камин, и она откатилась к дальней стенке, а теперь ее не было.

—Что случилось?— королева почувствовала мое напряжение и проследила взгляд. Не поняв меня, она снова посмотрела мне в лицо. —Джейк, что случилось?

—Простите, ваше величество. Вы не брали бумагу из камина?— я понимал что говорю глупости, но это почему-то зацепило меня. —Смятый клочок бумаги. Я бросил его в камин перед тем как пойти мыться.

—Я ничего не брала,— королева свела брови, то же неотрывно глядя на камин. —Может слуги прибирались? На нем

было что-то важное?

—Нет,— я отмахнулся. —Забудьте, ваше величество. Просто нервы расшалились. Везде видятся какие-то темные стороны, заговоры, и...

—Комоло хотел поговорить с тобой об этом нападении, Джейк. Могу я ему сказать что ты придешь к нему?

—А я могу отказаться?

Королева засмеялась.

—Нет, мой мальчик,— она поднялась и еще раз посмотрела на камин. Как то порывисто обняла меня за плечи и поцеловала в висок. Ее шепот заставил меня напрячься. —Дверь была закрыта на защелку, и слуги не могли проникнуть в комнату. Расскажи об этом Комоло.

Я открыл рот, растерявшись основательно.

—Но ты можешь ненадолго отложить разговор,— продолжила она уже более громко, и царственной походкой направилась к двери.

—Не думаю что стоит его отлаживать, ваше величество.

—Я отправлю к тебе Хогарда.

Я опередил королеву, и прежде чем открыть перед ней дверь, так же тихо спросил.

—Вы доверяете Хогарду? А могу ли я ему доверять?

Два коротких кивка королевы было достаточно, и я учтиво открыл двери.

Напоследок я только услышал что она отдала распоряжение стражникам удвоить охрану и поставить двоих у меня в

покоях. Что ж, если королева считает что мне на самом деле что-то угрожает, то я могу немного и потерпеть. По крайней мере я постараюсь терпеть.

Видимо, Хогарда успели предупредить о моих подозрениях, и он тут же обыскал все мои комнаты. Ничего не найдя, он замер возле двери и пристально следил за тем, как Буше помогал мне одеться. На сей раз он принес мне точно такой же костюм как и вчера. Но расшитый золотой нитью. Я попытался отказаться, мотивируя это тем, что одежды слишком роскошны, но увы, мои слова были пропущены мимо ушей.

Король встретил меня в своем кабинете хмурым и задумчивым. Молча указав мне на кресло, он велел помалкивать что бы ни произошло, и кивнул стражникам.

Когда в кабинет ввели стреноженного и связанного по рукам кентавра, я тяжело сглотнул. Какой же он был большой! Хорошо развитая мускулатура человеческой половины была обтянута темной кожей, покрытой тонким слоем волос, а нижняя часть тела словно принадлежала мерину. Черная грива волос была одного тона с хвостом, и я не мог не признать, что он великолепен.

В течении получаса шел допрос, на котором кентавр ничего не утаивая, отвечал на вопросы. Привыкнув к внешности заключенного, я отметил что в умственном развитии он совсем не уступает человеку.

Все оказалось именно так, как я и предполагал. Им было заплачено за убийство всех советников эскорта, и заказ

поступил утром. Того, кто принимал заказ убили во время нападения, и потому он не стал ничего скрывать, не видя в этом смысла. Королевская разведка и так все узнает, но будет ли применяться пытка или нет, остается решать лишь ему. Логика у него была железной, но я ее не понял. Неужели он думал, что после всего этого его отпустят?

—Что с ним теперь будет?— спросил я у короля, когда кентавра увели.

—Я еще не решил,— король пожал плечами, я понял по его взгляду, что ничего хорошего. —Понимаешь, Джейк, они всегда уважали лишь деньги и ту власть, которую они дают. Если я его отпущу, то он тут же ухватится за любой заказ, и нет никакой гарантии, что не за тот же.

Я нахмурился.

—Но ведь и у них должны быть какие-то ценности? Не могут же они ни во что кроме денег не верить.

—Это очень скрытый народ, Джейк. И этот представитель своего вида не стоит того, что бы о нем переживали. Подумай о том, что им было велено убить тебя.

—Я это понимаю,— я опустил глаза. —Но если их целью был я, то от кого-то они должны были узнать что я одет в советника.

—Да, во дворце завелась крыса,— король хмуро смотрел на какие-то бумаги на столе. —Будь моя воля, я бы сейчас спрятал тебя куда-нибудь до Совета. Я бы уже сегодня объявил тебя наследником и лордом, а завтра отправил в Клеймор.

Но это не поможет.

—Более того, вы этим сделаете еще хуже,— я тоскливо встретился с вопросительным взглядом короля. —Ваше величество, вы ни в коем случае не должны оглашать меня наследником.

—Что?

—Ну подумайте сами. Если Рохард еще жив, и его держат как заложника, зная что тем самым смогут как-то повлиять на вас в нужный им момент, официальное признание меня наследником, сделает жизнь Рохарда ненужной. Они полностью сосредоточатся на мне, а от Рохарда просто избавятся. Либо сделают все, что бы избавиться от меня, и тогда я не смогу добраться до амулета. А Рохард так и останется у них в руках. Или погибнет.

Мне было больно видеть обреченность во взгляде короля, но я был прав. Я знал что прав!

—Боги, что же мне с тобой делать?— король рухнул в свое кресло. —Что было на той бумаге?

Я захлопал глазами. Ага, королева уже все рассказала не только Хогарду, но и королю. Прекрасно!

Встав, я снова нарисовал символы с плиты, и показал королю.

—Простите, но я сам не смог прочитывать. Я научился говорить на вашем языке, но читать и писать еще нет. Я спрашивал Буше что это за символы.

—Не та дорога,— прошептал король, бросая бумагу в

небольшую жаровню, специально стоящую на столе. -Что ты спрашивал у Богов, Джейк?

Я задумался. А могу ли я рассказывать о том кому-то? Где гарантия того, что здесь не присутствует эффект новогоднего желания?

-Простите, ваше величество, но я не могу сказать. Смею лишь заверить, что я не спрашивал о возможности стать вашим наследником.

-Больше ничего в Храме не произошло? Хогард говорил что ты там был слишком долго.

-Да нет вроде,— я вспомнил как цветок ушел под воду, и почувствовал холодный пот на лбу. -Правда цветок чуть не утонул возле статуи матери с мертвым ребенком. Но потом всплыл и поплыл дальше.

Я увидел как неестественно побледнел король, и ужаснулся. Может я чего-то не знаю?

-Это что-то означает?

-Это то, что может встать на твоём пути, Джейк. Не говори об этом больше никому. Особенно, девочкам.

Я кивнул, представив что этим ребенком может быть сын королевы. И постарался отрешиться от этой картинки.

-И что мне теперь делать?— я нерешительно встал и развел руки. -Я не могу в вашем мире ни читать, ни писать, ни сражаться, ни общаться с людьми.

-Все это наживное. Можешь сходить с Хогардом на плац и посмотреть как сражаются, и решить, нужно ли тебе это.

Буше научит тебя писать и читать. Маришь объяснит придворные тонкости. Что еще?

—Я все же хочу посмотреть город, ваше величество. Разрешите мне с Хогардом вдвоем пройтись по Дограну.

—Тебе мало того, что произошло сегодня?— он был спокоен. Но я почувствовал угрозу в его голосе. —Представь, что было бы с вами если бы на дороге вас оказалось двое? Ты думаешь Хогард смог бы отбиться от десяти кентавров?

Я со стоном рухнул обратно в кресло, и обиженно насутился.

—Вы что, до конца моей жизни будите считать меня ребенком?

—С такими желаниями, твоя жизнь будет очень короткой, и ты просто не успеешь вырасти до того момента, когда сможешь самостоятельно решать что ты можешь.

Я чуть не зарычал в ответ.

—Джейк,— король навис надо мной и настойчиво впился руками в подлокотники моего кресла. —Пообещай мне, что не будешь никуда лезть из любопытства.

—Но...

—Пообещай! Предыдущее твое любопытство чуть не убило тебя, и я не хочу повторения. Пообещай мне! Или я призову тяжелую гвардию.

—Я... постараюсь. Но могу точно вас заверить, ваше величество, что если мне что-то придет в голову, то я обязательно посоветуюсь с вами.

—Джейк, я серьезно говорю,— король не на шутку разозлился.

—Я же сказал что не буду,— я чуть ли не сполз с кресла в испуге. —Я хочу вернуться домой, а для этого, простите, ваше величество, мне необходимо быть живым... и желательно, здоровым.

Король наконец кивнул и отошел.

—Хорошо,— он погладил бородку и вдруг достал из стола тоненькую металлическую пластинку, расписанную повдоль какими-то символами. Сломал ее на две части, и протянул одну из них мне. —Я хочу что бы это всегда было при тебе. Когда ты спишь, моешься или гуляешь. Всегда.

Я недоуменно разглядывал пластику.

—Что это?

—Поисковик. Смотри как действует,— король бросил свою половинку на стол, и та стала медленно разворачиваться сломанной стороной ко мне. Я переместился чуть влево, и она последовала за мной. —Теперь я всегда буду знать где ты. Но учти, если ты ее потеряешь, то она будет бесполезна.

—А я так же могу узнать где находится вторая половинка?

—Да. Это очень тяжелое зачарование, и оно будет действовать, пока с тобой. Иначе, без тепла человека, оно не работает.

—Но ваша же половинка лежит на столе... без тепла.

—Она основная, Джейк. Если хочешь узнать как они работают, лучше спроси у Фелиссити. Она в этом лучше разбира-

рается.

Я хмуро разглядывал пластинку, вертя ее в пальцах и так и этак. Зачарование? Что за чушь?

—Мне надо повесить ее на шею?— я заметил маленькое отверстие для шнура.

Король кивнул, и вдруг достал из стола длинную цепочку с моими жетонами.

—Я думаю, что должен вернуть их тебе.

Он положил их на стол, и я со стоном коснулся их пальцами. Надписи МАМА и ПАПА больно резанули сердце, и я отдернул руку. Слезы сразу потекли из глаз, и уже не пытаясь сдерживаться, чем занимался два дня, я разревелся.

Я плакал так горько, что король не решился меня тревожить, и просто ушел.

А я, сжимал жетоны в кулаке, все больше и больше теряя связь с реальностью.

—Мамочка, прости меня. Я такой дурак. Мамочка, ты только не теряй надежду. Я вернусь, обязательно вернусь,— я свернулся на кресле, прижимая к груди кулак с жетонами. Когда слезы иссякли, а сил уже просто не оставалось, я провалился в беспокойный сон.

—Джейк... Джейкоб,— донеслось до меня сквозь туман сна, и я с неохотой открыл глаза. Рядом с креслом на коленях стояла Маришь, и гладила меня по волосам. —Малыш, пойдем обедать.

Я секунд тридцать смотрел на печальное лицо девушки, а

потом отвернулся и снова закрыл глаза.

—Джейк, ну пожалуйста,— она снова коснулась моих волос, и я вздохнул.

—Маришь, я хочу побыть один.

—Малыш,— она поправила мои волосы, и вздохнула. —Не надо оплакивать их, Джейк. Ведь они живы, и ты вернешься к ним.

Я снова отвернулся, и минут пять молчал. А Маришь удобно села на пол в своем красивом платье и стала спокойно накручивать мои волосы на палец.

—Ты не уйдешь?— тихо спросил я, уже зная что она ответит.

—Нет.

Вот как можно заниматься самоуничижением, когда тебя не оставляют в покое?

—Ладно, пошли обедать,— я выбрался из кресла и подал руку Маришь.

Скучный молчаливый обед, какие-то банальные вопросы и такие же банальные ответы на них. К моему удивлению, Хогарда не было, и я спросил у Маришь где он.

—На стрельбище. Он отправил вместо себя двоих телохранителей. Это его самые доверенные люди. Шип и Ковар.

Я глянул на телохранителей, и пожал плечами. Очередных два великана, в кольчугах под кожаными чехлами, с мечами на поясах и целым набором метательного и арбалетного оружия.

—Что он там делает?

—Тренируется сам, и тренирует своих стажеров. Кстати, Шип и Ковар помогали принести тебя от колодца во дворец.

Я резко вскинул голову, и уже внимательно рассмотрел новых стражей.

—Они братья?

Маришь улыбнулась и кивнула.

—Маришь, попроси Хогарда позаниматься со мной. Я хочу научиться сражаться.

Вот так я и оказался на стрельбище.

Правда мне пришлось выслушать получасовые возмущения Хогарда, о самоуверенности некоторых мальчишек, решивших поиграть в солдатики.

Я понял что еще немного, и они разругаются в пух и прах, тогда, когда Маришь начала кричать что сама будет меня учить. Пришлось попросить девушку оставить нас для чисто мужского разговора.

—Хогард, ну какая тебе разница кого тренировать?— я смотрел на великана снизу вверх и начинал злиться. —Ты же знаешь, что я могу научиться.

—Я не буду учить ребенка убивать!— прошипел он и оттолкнул меня с дороги.

—Я тебя и не прошу этого. Научи меня защищаться!

—Зачем? Ты через пару месяцев вернешься к себе, и это тебе там не пригодится.

—А что если я не смогу вернуться?— я склонил голову, и

пошел за телохранителем в казармы. -Или меня убьют раньше? Ты же сам сегодня видел что на нас могут напасть в любой момент, а я ничего не смогу сделать.

—Да ты даже щита не подымишь!

—Подыму,— я выхватил из-за спины Хогарда щит-веер и распахнул его точно так же, как это делали телохранители на дороге в момент нападения. Н-да, оказывается он был намного тяжелее чем казалось. Я с трудом удерживал его в руках, но вредность не давала показать как мне тяжело.

—О Боги,— Хогард закрыл лицо ладонью, и отвернувшись, выругался. —А теперь удерживай его в левой руке хотя бы пол часа. Если ты это сделаешь, я покажу тебе несколько приемов.

Я сжал зубы и удобно взял щит в левую руку. Он весил килограмм пять, не меньше, но удобная петля для руки гасила часть веса. Что ж, пол часа — так пол часа.

Хогард тем временем отошел в сторону, и взяв две увесистые палки, подозвал к себе Шипа. Они лишь кивнули друг другу, а потом используя палки вместо мечей, стали рубить друг друга. Увлеченный зрелищем, я напрочь позабыл о щите, и чуть поддался вперед. Каждый выпад и блок прочно отлаживались в памяти, но в то же время я понимал, что не смогу отразить и половины этих ударов. Я был слишком мал и не так силен, что бы одним движением остановить их. Мне нужно было бы отводить их, но ни как не блокировать.

Я уже хотел попросить показать как отводить удары, когда

палка Шипа выскользнула у него из рук, и полетела в мою сторону. Сработала та часть инстинктов, которая спасает от смерти вернее всего. Я шагнул в сторону, и прикрылся щитом. Тонкий звон металла доказал, что я отбил палку, и спасся от ранения, которое мог получить от настоящего оружия.

Шип усмехнулся, и перекувырнувшись на земле, снова подхватил палку и напал на Хогарда.

—Отойди,— крикнул мне Хогард, и в следующий момент сражающиеся пододвинулись ко мне. Я опасливо попятился, и снова чисто интуитивно отбил выбитую у Шипа палку. — Да что с тобой?

—Капитан,— Шип выпрямился, и закончив бой, указал на меня. —Он отвлекает меня.

Хогард взревел и со всей силой огрел младшего телохранителя по спине.

—Ты должен защищать его! А если бы это была девица в истерике?

Меня обидело такое сравнение. Обидело настолько, что я подхватил брошенную палку, и встал в стойку.

—Я не девица!— я шагнул вперед и провел ту самую атаку, которую Хогард использовал на Шипе.

Мой бедный телохранитель опомнился от шока только тогда, когда я приложил его палкой по бедру.

—Да ну!?!— он отвел еще несколько моих ударов, не пытаясь нападать, а лишь уйдя в глухую защиту.

Мне показалось что время замедлило свой бег, и дава-

ло мне возможность пробить защиту Хогарда. Я пропустил несколько удачных ударов, которыми мог бы сбить великана с ног, и отступил. Снова пошел в атаку, и снова наткнулся на защиту, и не смог ее пробить.

—Бей!— чуть ли не в истерике закричал я, снова и снова атакуя его, и не в силах пробить палкой его блоки. Проклятая палка была слишком длинной для моего роста. Я просто не мог повторить все удары Хогарда с той точностью, но все же делал то, о чем еще утром не имел никакого понятия.

—Хватит!— Хогард отступил и свел брови. Я чуть не сжался под его тяжелым взглядом, но вовремя спохватился и встретил взгляд уверенно и с вызовом. —Ковар, принесите тупые мечи.

Я заметил как недоверчиво переглянулись младшие телохранители, и бросились в казармы.

—Кто учил тебя?

—Никто,— я покачал головой. —Я смотрел как ты бился с Шипом, и запоминал каждый прием.

—Это невозможно. У тебя есть подготовка!

—Хогард, ты что, шутишь? Я впервые держу в руках щит и меч... палку. Я учился безоружному бою.

—Те приемы...— Хогард задумался, вспоминая, как я скрутил его в своей спальне.

—Да. Маришь сказала что это из-за живой воды мое тело лучше меня знает что мне сейчас надо. Но это пройдет сразу как во мне кончится живая вода.

Хогард выругался, и увидел что его подопечные возвращаются. Они несли несколько тупых мечей, разной толщины и разной длины, и были явно заинтересованы происходящим.

—Ладно, попробуем,— Хогард взял один из мечей, и почему-то смутился. —Нет, не то.

Он несколько минут прикидывал то один меч в руке, то другой, и в итоге протянул мне чуть ли не самый короткий. Я замер с мечом в руке. Длинна клинка была сантиметров шестьдесят-семьдесят, а рукоять сантиметров тридцать, и весил он побольше палки. Килограмма так на три вытягивал. Как таким можно сражаться? Да минут через десять рука отвалится.

—Тебе что-то не нравится?— великан заметил мою растерянность.

—Он должен быть таким тяжелым? Хогард, мне кажется,— я прикусил губу, и вспомнил что она прокушена. Странно, как я вообще мог про нее забыть? Да ну и Бог с ней, с губой. Сейчас есть куда как более важные вопросы. Я прислушался к своим ощущениям, и сквозь боль в мышцах, понял, что это не мой меч. Каким бы он ни был, но не таким. —Мне кажется что это не мое оружие. У меня не хватит сил пробить им твою защиту и он... очень тяжелый.

Хогард смотрел на меня как на какое-то чудо.

—Продолжай.

—По длине он вроде бы и не плохой,— я отвел меч, и сделал

им несколько выпадов, но локоть сразу занял. Странная это была боль. Как будто кольнула звездочка, и погасла, а на ее месте появился маленький огонек жара. -Черт, как бы это сказать то... Может у вас есть что-то более тонкое? Я уверен, что за счет этого меч станет на много легче.

И чего это я покраснел под его взглядом? Вроде не сказал ничего такого, а почувствовал себя глупо.

И тут к нам подошла Маришь. Я так увлекся всеми этими атаками, блоками и защитой, что напрочь позабыл о принцессе. А она оказывается совсем обо мне не позабыла. Протянула мне тонкие ножны с богато украшенной рукоятью, и заинтересованно посмотрела в глаза.

-Такой подойдет?

Я отдал тупой меч Шипу, и вытащил меч из ножен.

Вай, какой же он был красивый. Рукоять в золоте и камнях, а вдоль сверкающего прямого лезвия толщиной в три пальца переплетались две тоненькие сверкающие полоски. Я с удивлением понял что это золото и серебро.

Взмахнув им пару раз, я поймал себя на том, что улыбаюсь. Меч пел в руках.

-Чей это меч? Я не видел ни у кого во дворце ничего подобного.

-Это эльфийский клинок. Его подарили Рохарду на день рождения в прошлом году. Тебе нравится?

-Очень. Простите, ваша светлость, но я не могу взять чужой подарок,- я с сожалением вернул меч в ножны и протя-

нул его обратно девушке.

Маришь как то удовлетворенно кивнула, и улыбнулась.

—Мы что-нибудь придумаем,— она забрала меч и направилась к замку. Шикнув на меня, Хогард бросился за принцессой, и догнав, о чем-то с ней заспорил. Отвлекся на меня на секунду, и указал на круг вокруг плаца.

—Двадцать кругов с щитом,— велел он, и бросил Шипу: - И пусть только остановится.

Остановился я на десятом, но увидев бежавшего ко мне младшего телохранителя, снова бросился бежать.

На двадцатом я чуть не рухнул, но взял себя в руки, и гордо вскинув голову, подошел к удивленным телохранителям.

—Милорд,— Шип протянул мне меч, и я чисто машинально его принял. -Бой.

Пришлось отвлечься от уставших ног и полностью отдаться бою. Меняхватило минут на десять. В отличии от Хогарда, Шип не защищался, а атаковал. А все мои удары мягко отводил в сторону так, что порой мой меч свистел всего в сантиметре от его шеи или груди. Его тактика боя мне понравилась, и я ловил каждое его движение. Запоминал и тут же пытался применить на практике, однако локоть болел все сильнее и сильнее, и в итоге рука просто выпустила меч. В ту же секунду Шип повалил меня на спину довольно болезненным ударом по ногам и прижал лезвие к моей шее.

—Милорд?— он улыбался. И ждал. Ждал когда я попрошу о пощаде.

—Ну нет,— я пнул Шипа по колену, и тут же воспользовавшись дрогнувшим мечом, выкрутил его запястье и с силой рванул в сторону. Телохранитель впился в гравий лбом, обдирая кожу, и возмущенно ругаясь.

Я не дал ему возможности даже перевернуться. Выкрутил левую руку под неестественным углом и зажал ее коленом. В ярости я чуть не вывернул ему сустав, и остановился только лишь от того, что правая рука отказывалась работать на полную.

—Сдаюсь, —Шип захлопал рукой по земле, и я скатился с него, встав в стойку. Ноги дрожали, рука отваливалась уже от самого плеча, а все тело буквально плыло от жара.

Телохранитель поднялся и отряхнувшись, утер со лба кровь. А потом поклонился.

—Милорд,— он с таким уважением смотрел на меня, что я расслабился.

А зря. Не слишком сильный удар палки Хогарда сбил меня с ног, и я рухнул. Как я откатился и схватил щит, а затем и отбил им следующий удар, я так и не понял. Мышцы сами оценили сигналы мозга об опасности, и построили линию защиты. Я знал как будет совершена следующая атака, и просто напросто успевал либо выставить щит, либо уйти в сторону. Когда мне это надоело, я решился пойти на хитрость, и разобрал щит в веер. Отводя им почти коснувшуюся меня палку, я нажал на защелку, и резко распахнувшиеся пластины тут же разбили оружие Хогарда. Десяток осколков

разлетелись в разные стороны, и я ахнул от боли.

Одна из щепок впилась в шею, и я тут же вырвал ее.

Я скорей почувствовала, чем увидел кровь на пальцах. И содрогнулся, когда тонкая струйка потекла под воротник.

–Проклятье,– Хогард отшвырнул обломок палки в сторону, и в миг оказавшись рядом, задрал мне голову. – Прижми рукой.

Я послушался, и как-то неуверенно попытался отмахнуться.

–Да это царапина,– я улыбнулся, и глянул на руку. Вся ладонь была в крови, и меня замутило.

–Я сказал зажми рану,– крикнул мне Хогард, бегом пересекая плац и скрываясь в казармах.

Я пожал плечами, и пошел следом. Шип и Ковар попытались остановить меня, но я отмахнулся от них.

На скамью рядом с казармами я не сел, а рухнул. И понял что меня жестко затягивает в сон. Все тело ломило от усталости и боли. Казалось, что каждая мышца буквально таки опухла от совершенного над ними насилия, а суставы вывернуты. Н-да, наверное я переусердствовал со своим стремлением научиться сражаться. Да, я мог повторить все, что видел, но мое тело просто было не готово к таким нагрузкам. Нужно будет немного потренироваться в выносливости, как говорил мой тренер по дзюдо, а уж потом кидаться в схватку.

Что бы открыть глаза и посмотреть на опустившегося рядом на колени Хогарда, мне потребовалось некоторое уси-

лие. Он складывал какую-то тряпицу и поливал ее зеленого цвета жидкостью.

—Что это?— я шарахнулся от ужасного запаха, и сон как рукой сняло.

—Неважно,— телохранитель убрал мою руку и я застонал от боли. Чем бы ни было это средство, но оно жгло так, словно на царапину вылили целую бутылку йода.

—Черт, Хогард,— я попытался вырваться, но увы. То ли телохранитель стал сильнее в момент опасности, то ли у меня уже просто не осталось сил сопротивляться, но я оказался прижат к лавке железной хваткой и разве что мог дышать в пол объема. —Больно же!

Я проглотил вставший в горле комок, и закрыл глаза. Слезы хлынули от боли и обиды, и как бы я не старался, но не смог их сдержать.

—Тише, малыш. Сейчас кровь остановится, и мы зашьем твою шею.

Я отвернулся к стене, и зажал зубами кулак. Борясь с желанием закричать, я попытался отрешиться от боли. И как это не странно, но мне это удалось.

А через десять минут я уже сидел перед Маришь, с забинтованным горлом и виновато смотрел в пол. Как оказалось, я был самым безалаберным и не думающим о других человеком, который способен заставить поседеть даже принцессу. Но зато, я наконец увидел эту самую принцессу в гневе. И мне это понравилось. Сразу вспомнились картинки из жур-

налов про женщин валькирий, сражающихся наравне с мужчинами, красивых и гордых.

—Маришь, ну чего ты раскричалась? Это всего лишь царапина,— я пытался успокоить девушку, но сделал еще хуже.

—Все. Я запрещаю тебе даже близко подходить к плацу и брать в руки оружие.

—Ты не можешь,— я даже чуть улыбнулся. —Маришь, ну пойми. Мне это интересно, и более того, я чувствую что мне это надо. В конце то концов, мужчина я или барышня, которую надо сторожить день и ночь?

—Ты сумел пораниться от обычной палки!— кричала она на меня, но я лишь смущенно опускал глаза. —А если тебе дать меч, то ты что, вообще без головы останешься? Я запрещаю!

Все, я устал слушать ее запреты, ее крики. Видеть как она мечется по моей спальне, сама не в силах остановиться. Поднялся с кресла, и подойдя к девушке, просто обнял ее. Прижался щекой к ее плечу, и улыбнулся. Маришь сначала шокировано замерла, а потом обняла меня и расплакалась.

—Ты дурачок, Джейк. А что если бы осколки отлетели в глаза?

—Тише, Маришь,— я погладил ее по спине, понимая что не могу полностью ее успокоить. Но я постараюсь. —Со мной все в порядке. А эта царапина уже начала затягиваться. Ты же сама говорила, что во мне сейчас столько живой воды, что она управляет моим телом и лучше меня знает что ему надо. Это самый лучший момент чему-то научиться. А я хочу на-

учиться не только сражаться, но и защищаться. Знаешь что я сегодня почувствовал, когда смог отбить первый удар? Я понял, что если захочу, то смогу отбить и все последующие. Маришь, я вижу что ты волнуешься за меня, и я очень тронут твоей заботой. Но поверь, если ты дашь мне возможность научиться самому защищаться, а не ждать помощи от других, то этим самым ты возможно спасешь мне жизнь. Там, на плацу, я понял как надо падать, что бы ничего себе не повредить, и теперь если мне вдруг придется упасть, независимо от чего, я уже не буду просто отлетать в сторону, а смогу сгруппироваться и нанести себе тем самым минимум ущерба. Я смогу увернуться от несущегося ко мне мечу.

—Джейк,— она попыталась отстраниться, все еще всхлипывая и утирая слезы.

—Нет, Маришь. Выслушай меня. Вы с отцом мне говорили, что до совета полтора месяца, а на меня уже объявили охоту. А мне еще предстоит не только сама дорога до Касима, но и поездка в Клеймор. Ни Хогард, ни его подопечные, не смогут защищать меня все время. Может случится так, что я буду лежать в ванной, и в это время меня захотят убить. Что мне тогда остается? Просто подчиниться и дать себя убить? Я не смогу таскать за собой телохранителей каждую минуту. И мне, и им, надо и спать, и есть. Маришь, ты же умная женщина, ты же сама понимаешь что я прав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.